

Dum spiro, spero.
Пока дышу — надеюсь.

Сухбат
Афлатуни

Dum spiro, credo.
Пока дышу — верю.

Великие рыбы

Dum spiro, amo.
Пока дышу — люблю.

Большой роман. Современное чтение

Сухбат Афлатуни

Великие рыбы

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афлатуни С.

Великие рыбы / С. Афлатуни — «Эксмо», 2023 — (Большой роман. Современное чтение)

ISBN 978-5-04-196211-1

«Великие рыбы» – экспериментальный роман о самом традиционном и вечном. Его действие происходит в Самарии – и одновременно в десятке стран; оно длится несколько минут – и более двух тысяч лет; в нем множество главных действующих лиц, и все же главное лицо – одно... Это попытка соединить житийную литературу – с исторической хроникой и художественную – с нон-фикшном; взглянуть на феномен святости – глазами историка и на историю – глазами святого. Египетский монах и болгарский отшельник, грузинская царица и русская княгиня, чешский епископ и сербские заключенные... Все они – «великие рыбы», в чем-то похожие друг на друга, какие бы временные и пространственные границы их не разделяли. На страницах романа они соседствуют друг с другом, а их судьбы – такие разные – складываются в одну судьбу и одну нескончаемую историю.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196211-1

© Афлатуни С., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Фотина	6
Павел, Петр	9
Вера и другие	13
Феодор	17
Иероним	21
Иоанн	29
Венедикт, Схоластика	33
Андрей	39
Савваиты	43
Феодор, Феоктиста	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сухбат Афлатуни

Великие рыбы

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Афлатуни С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Фотина

Она привела себя в порядок, захватила кувшин-гидрию и вышла из дома.

Около шестого часа она дошла до источника.

Там был колодезь Иаковлев.

Солнце припекало, возле колодца в тени сидел мужчина. Не из здешних, сразу заметно. Иудей... Она поставила гидрию и стала разматывать веревку.

Он приветствовал ее по-арамейски. Точно иудей; по выговору галилеянин. И что им у себя дома не сидится?

Голос, однако, ей понравился. Скупо ответив на приветствие, она стала спускать кувшин в темноту.

Раздался всплеск: кувшин достиг воды.

Иудей смотрел на нее.

– *Дай мне пить.*

Как будто укол иглы, она даже слегка поморщилась: все это уже было. Вечер, колодец, пришелец возле колодца.

...Когда Авраам состарился, а сын его Исаак вошел в возраст жениха, отправил Авраам слугу своего, чтобы тот нашел Исааку невесту. И слуга, взяв верблюдов, пошел. *И остановил верблюдов вне города, у колодца воды, под вечер, в то время, когда выходят женщины черпать.* И сказал себе слуга: та, кто напоит его и его верблюдов, и будет женой Исааку. И помолился об этом.

И пришла к колодцу Ревекка. И обратился к ней слуга Авраамов, и сказал:

– *Дай мне пить.*

Что было дальше, хорошо известно. Ревекка напоила слугу, а потом его верблюдов. И стала женой Исааку, и родила ему двух близнецов, Исава и Иакова.

Все в этой сухой, полуденной земле начиналось с колодца. Со встречи, под вечер, возле него. С женщины, держащей кувшин, и чужестранца, говорящего:

– *Дай мне пить.*

И снова – укол. Снова вечер, и женщина, и чужестранец подле колодезя. Но теперь все наоборот, и уже чужестранец дает колодезную воду.

И встал Иаков, и пошел в землю сынов Востока. И увидел: вот на поле колодезь... Над устьем колодца был большой камень... Увидел Иаков Рахиль и отвалил камень от устья колодезя и напоил...

Что было дальше, хорошо известно. И Рахиль, и все бывшие при этом, и все стада напились этой воды. Рахиль станет женой Иакову и родит ему двенадцать сыновей – родоначальников двенадцати колен Израилевых.

Непонятная боль прошла.

Самаряныня набрала воды и поглядела на чужестранца.

– *Как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? Ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются.*

Самаряне, как и иудеи, почитали себя потомками Иакова.

Иудеи считали самарян потомками от смешения с хананейскими народами. И не общались с ними, называя «испорченными», полукровками.

Удивление самаряныни понятно. Иудей не просто обратился к ней, но попросил о помощи.

– *Дай мне пить.*

Да, конечно, это был не просто иудей. Не просто галилеянин. Не просто странник, сидящий в тени. Но самаряныня этого пока не знала.

– *Как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?*

Он был тогда совершенно один. Где ученики, где последователи?

Ученики Его отлучились в город купить пищи, хлеба и рыбы.

Но где же сотни, тысячи, ходившие за Иисусом? Один Он оставался только тогда, когда уходил молиться, – да и это уединение Ему удавалось редко и с трудом.

Где же толпы?

Остались, вероятно, в Иудее. Не пошли за Ним в Самарию. *Ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются.*

Никого рядом с Ним не было.

Только эта женщина – бойкая самаряныня, в карман за словом не полезет...

(Когда Его оставляли ученики, рядом оставались только женщины. Так будет и у Креста. Так будет всякий раз, когда на церковь будет воздвигаться гонение. Мужчины станут толпами уходить от Него. И только женщины останутся рядом до последнего.)

Иисус же сказал ей в ответ: если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: «дай Мне пить», ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую.

Она вытянула кувшин из колодца и поставила на плоский камень. Отерла лоб. Еще раз оглядела путника.

– *Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у Тебя вода живая?*

Колодец и правда был глубок: тридцать пять метров. Вырыт на северо-западной стороне горы Гризим – священной горы самарян.

Гора Гризим, абсолютная высота 881 метр. Подле нее и лежал город Сихарь, или Сихем, куда отправились за провиантом ученики Христа.

На горе Гризим Моисей повелел ежегодно читать Закон при всенародном собрании.

На горе Гризим шесть колен Израиля: Симеоново, Левиино, Иудино, Иссахарово, Иосифово и Вениаминово – должны были произносить благословение на исполнителей Закона.

На горе Гризим, по версии самаритянского Пятикнижия, был устроен жертвенник из цельных камней, на которых были высечены десять заповедей Господних.

На горе Гризим после вавилонского пленения самаряне строят свой Храм.

Храм был разрушен, но самаряне продолжали совершать на его развалинах поклонение Богу.

Самаряне поклонялись Единому Богу на горе Гризим, иудеи – в Иерусалимском храме, у горы Сион.

– *Отцы наши поклонялись на этой горе, – сказала она, – а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме.*

Что нам, собственно, известно об этой женщине у колодца Иакова?

Что у нее – как и сказал ей в тот вечер Иисус – до того *было пять мужей.*

– *И тот, кого ныне имеешь, не муж тебе.* (При этих словах она вспотела от стыда, но еще сильнее от удивления: откуда иудей мог это знать?)

Самарянское ее имя неизвестно. Может, ее звали Ревекка, как ту, что напоила из колодца слугу Авраама и стала женой Исаака и матерью Исава и Иакова. Или – Рахиль, как ту, которую напоил из колодца Иаков и взял себе в жены.

Имя – лишь тень, отбрасываемая человеком. Тень от луча, падающего сверху. Как сейчас на эту самаряныню с кувшином в руках. Самарянское ее имя неизвестно. Известно римское – Фотина.

У самарян был обычай брать второе имя, латинское или греческое. Как и у многих иудеев, сирийцев, египтян, живших в Римской империи. У апостола Павла было иудейское имя Савл – точнее, Шауль. Апостола Варфоломея мы знаем только по этому, иудейскому, имени. Апостола Андрея – наоборот, только по римскому.

Фотина означало «светлая».

Ее сестер мы также знаем только по римским именам. Параскева, Фото, Фотида, Анатолия и Кириакия.

Еще у нее было два сына, Иосия и Виктор. От каких из тех пяти мужей были они, неизвестно. Да и были ли они, эти мужья? Точно сон какой-то...

Душа у нас – жена Самаритянка;
Пять наших чувств – суть пять ее мужей,
Душа-жена дружится с каждым чувством
И с ним живет, как с мужем, заодно.
Но испытав их лживость и превратность,
Тревожится, грустит, томится жаждой,
Доколь ее Господь не усытит
Беседою о истинах высоких;
Доколь не даст ей пить живой воды...¹

Она испила этой воды. И она, и ее сестры, и ее сыновья. Все стали христианами. Так оно вскоре и произойдет.

Но самаряныня этого, естественно, знать не могла. Пока она, утирая пот, выступивший росой на лбу, сидит подле колодца. Как некогда Ревекка. Как Рахиль. И слушает сквозь стрекот кузнечиков идущие к ней слова. И слушает. И видит.

---

¹ Федор Глинка. Из поэмы «Таинственная капля».

Павел, Петр

Он помнил тот колодец и ту женщину, самарянку с мокрыми темными руками. Все они, Его ученики, тогда видели ее... Но теперь Иоанн думал не о ней.

День был душным, море – свинцовым. Диктовать было тяжело; Прохор то и дело переспрашивал. Иоанн и сам бы взялся за калам, если бы не глаза. К старости далекое становится прозрачным, а ближнее покрывается туманом.

Он вышел из пещеры.

Небо было напряженным, пепельным. Сколько раз он вот так же вглядывался в него, и надежда шевелилась в нем, как плод в утробе матери. Сколько раз ловил случайные новости с гавани, вчитывался в редкие послания от асийских церквей... Не наступает ли конец мира, братие? Не пала ли Блудница Вавилонская, упившись вином блудодеяний своих?

Sper pretio non esto.

Глупая поговорка. «За надежду денег не дают».

Он отдал за надежду всю свою жизнь. Будь у него их несколько, отдал бы их все.

Но он и так живет долго.

Он пережил их всех – всех, с кем ходил тогда по Иудее. Посечен мечом в Иерусалиме брат Иаков. Казнен в далекой Индии Фома. Распят в Патрах Андрей.

Его тогда тоже должны были казнить, в Риме, вместе с Петром и Павлом. Петр и Павел так и остались в этом мерзком Вавилоне. Пропитали кровью своей его землю. Души их предстоят пред небесным Алтарем. Он знает. Он – видел.

Прислонясь к скале, он думает о них. Камень холодит спину; небо, море – все сливается.

Петр и Павел. Павел и Петр.

Они были очень разными.

Один был сыном простого рыбака. Другой – сыном ученого фарисея.

Один родился и вырос в самой Иудее. Другой – в рассеянии, в Тарсе Киликийском, гнездилище еллинского любомудрия и риторства.

Один был человеком некнижным; другой – учеником премудрого раббана Гамалиила.

Один был здоров и крепок; другой – изнуряем приступами болезни.

Один был с Христом с самого начала Его проповеди. Другой никогда не видел Христа воочию.

Наконец, один большую часть своего служения проповедовал среди иудеев; другой был прозван «апостолом язычников».

Петр и Павел.

Павел и Петр.

Петра звали Симон. Шимон – «услышанный Богом».

Родом был он из Вифсаиды Галилейской.

Виф-Саида, или Бейт-Цаида, – «дом рыбака»; отсюда же были Филипп и Андрей. Поселение на берегу Галилейского моря, или, как оно звалось в честь кесаря Тиверия, Тивериадского.

Шимон здесь рос, женился, ловил рыбу. Усача и галилейскую теляпию, которую через века станут называть рыбой Святого Петра.

Да, Шимон назван человеком некнижным, «аграмматос» – неученым. Но это – в глазах иерусалимских, столичных книжников, ухищренных в богословских тонкостях. Еще этот его галилейский выговор, забавлявший их.

Но Тору и Псалмы он знал, целые отрывки наизусть приводил. Ремесло рыбака не мешало изучению Закона. Море беспокойно – сиди на берегу, вникай в Писание. Он и вникал. А беспокойным оно бывало часто.

И еще – Шимон умел обращаться с мечом. Тоже нерядовое для простого рыбака умение.

Что-то было в этом уже немолодом галилеянине, что Господь именно ему поручил пасти Его овец.

Вера. Вера в то, что Иисус есть Христос, долгожданный Мессия, Сын Божий.

Ибо церковь может быть созиждена только на Вере.

Порой она оставляла Шимона, и тогда он, идущий по волнам к Господу, начинал тонуть. Или – в ту зябкую ночь, когда он грелся у огня во дворе дома первосвященника, – трижды отрекался от Него. И Учитель, которого как раз выводили из судилища, поглядел на него – так, как только Он один мог глядеть. И пошел далее.

Потом Шимон долго брел по узким, залитым нечистотами иерусалимским улочкам, размазывал слезы по пыльному лицу.

Потом будет Распятие.

Будет Воскресение.

Всякий раз вера снова возгоралась в нем. Он выполнял данный ему завет – пас овец Господних, умножал Его стадо. На месте галилейского рыбака Шимона возник апостол Петр – «камень, скала».

Последний приступ малодушия постиг Петра уже на склоне лет, в Вавилоне, как христиане называли между собой Рим. Даже не малодушия – скорее, благоразумия...

В ночь с 18 на 19 июля 64 года по Рождеству Того, кого Петр проповедовал Сыном Божиим, загорелся Рим.

Петр был в ту пору в Риме. В Риме был и Павел.

Его звали Савл. Шауль – «вымоленный у Бога».

Назвали его в честь Саула, Шауля – первого израильского царя, тоже из колена Вениаминова.

Родом Шауль был из Тарса Киликийского.

Тарс был завоеван Римом за семьдесят лет до его рождения. Это был пестрый город – греки, иудеи, армяне, сирийцы... Город славился ученостью. Как писал Страбон, жители Тарса с таким рвением занимались философией, что превзошли Афины.

О том, повлияла ли на будущего апостола философия стоиков, преобладавшая в Тарсе, будут еще много спорить. Но греческую литературу Шауль знал. В проповеди на афинском ареопаге он процитирует строчку из «Явлений» Арата.

С греческой премудростью юный Шауль мог познакомиться и в Иерусалиме, в школе раббана Гамалиила. Гамалиил – единственный законоучитель, почитаемый и иудеями, и христианами. Защитил на синедрионе апостола Петра и других от угрожавшей им смерти. Его школа была умереннее, терпимее других школ; славилась преподаванием светских наук. В конце жизни Гамалиил был тайно крещен Петром.

Почему молодой Шауль, воспитанный при ногах Гамалиила, как он о себе говорил, проявит такую нетерпимость к христианам?

Тогда их многие ненавидели. Впрочем, как и позже, как и всегда. Ненависть будет то уходить под землю, то выступать на ней кровавой пеной.

Потом будет свет, облиставший Шауля по дороге в Дамаск.

Потом будут годы проповеди в Антиохии.

На месте прежнего Шауля возникал Павел. Тот, кто носил имя царя, *бывшего от плеч своих выше всего народа*, становился «малым», «маленьким» – именно это означало римское имя «Павел». Ибо только через умаление лежит путь к величию.

Что-то было в этом молодом тарсянине, что Господь именно ему поручил проповедовать Евангелие язычникам.

Любовь. Любовь и вера, но любовь прежде. Ибо сам Бог есть Любовь.

И Царство Небесное созиждится на любви.

Это не была любовь, равномерно и непрерывно изливаемая на все и вся. Он мог отдалить от себя. Мог выговорить со всей строгостью: *О несмысленные Галате!* Мог пригрозить отлучением: *Аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят!*

Но в основе всего этого была любовь. Любовь, светившая в немоющем, костлявом теле этого тарсянина все сильнее.

Потом будут миссионерские странствия по всей Греции и Малой Азии. Взятие под стражу и отправка в Рим.

В Риме он пробудет два года, дожидаясь суда императора.

И будет оправдан. Предпримет новые путешествия.

Во время Великого Пожара 64 года или вскоре после него он, как и апостол Петр, будет в Риме.

Пожар начался в ту душную ночь с 18 на 19 июля в лавках, расположенных у Большого цирка. К утру горела большая часть города.

Огонь тушили долго и безуспешно. Рим выгорал, ветер разносил сажу и стоны обожженных и растоптанных на тесных улицах.

С холма на горящий город глядел Нерон. В его совиных глазах играли отблески пламени.

Как все тираны, Нерон мнил себя великим строителем. Еще во время пожара он разработал план строительства нового Рима. Установил расстояние между домами, ширину новых улиц, обязал строить только каменные здания. Заложил на расчищенной огнем земле свой грандиозный Золотой Дом.

Оставалось только найти, кого обвинить в поджоге.

Началось избиение христиан; запах гари над Римом сменился запахом крови.

Многие, спасаясь, уходили из Рима. В числе их был и апостол Петр.

Это не было малодушием. Нужно было спасти церковноначалие. Церковь, с такими трудами рожденная и устроенная, могла быть полностью обезглавлена. В Риме пребывал в узах апостол Павел. В Рим был доставлен под стражей апостол Иоанн. На свободе оставался один Петр.

Петр уходил из Рима.

Ночь была холодной, костер у дороги грел слабо. Внезапно Петр поднял глаза и увидел Его. За спиной темнел крест, нижний конец которого волочился, постукивая, по булыжникам. Петр приподнялся; стало видно и лицо подошедшего, и венец, и кровоподтеки. Пламя изогнулось от ветра и снова распрямилось, пуская в ночное небо искры.

– Камо грядеши, Господи?

– В Рим иду, паки распятыся.

И поглядел на Петра – так, как только Он один мог глядеть. И пошел далее.

Петр, быстро поднявшись, побежал следом, обратно в Рим.

Потом он долго брел по широким, заново отстраиваемым римским улицам и размазывал слезы радости по пыльному лицу.

Римская полиция работала хорошо. Петр был схвачен, осужден и поведен на распятие.

– Переверните крест! – кричал он, задыхаясь. – Я недостойн так быть на кресте, как Господь мой, переверните крест!

Палачи, переглянувшись, перевернули Петра. Теперь он висел вниз головой.

– Благодарю тя, Пастырю благий, – он говорил с трудом, кровь прилиwała к голове, – сподобил мя еси сему часу. Но молю ти ся, овцы, яже ми еси поручил, да не остануть кроме Тебе, истиннаго Бога...

Павла, как римского гражданина, предали «честной» смерти – усечением главы. Было это в месте Акве Сальвие, у старой сосны.

Христиане, взявши тело Павла, положили в одном месте с Петром.

Так они окончательно встретились: Петр и Павел, Шимон и Шауль.

Он – третий – тогда избег смерти.

Ему назначили выпить чашу с ядом – пред лицом Нерона. Чашу он выпил спокойно, ровными глотками; отер уста краем гиматия... Яд не причинил ему вреда. Пораженный Нерон заменил казнь ссылкой, сюда, на Патмос.

Погиб апостол Веры – Петр.

Погиб апостол Любви – Павел.

Одному ему, Иоанну, выпало остаться в живых, чтобы сохранять, сберечь в себе Надежду. Чтобы самому стать Надеждой – на скорое приближение всех сроков.

Dum spiro, spero.

Повержен будет Вавилон, великий город!

И голоса играющих на гусях и свирелях уже не будет слышно в нем!

Ибо в нем найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле христиан! Ибо в нем найдена кровь братьев его, Петра и Павла!

Dum spiro, spero.

Эта поговорка ему нравилась.

Dum spiro, spero.

Пока дышу – надеюсь.

Dum spiro, credo.

Пока дышу – верю.

Dum spiro, amo.

Пока дышу – люблю.

Длинная молния разорвала небо. По камням, по редкой траве застрекотал дождь.

Он вернулся в пещеру, растормошил задремавшего Прохора. И попросил прочесть написанное – с самого начала.

– *Апокалипсис Иисуса Христа*, – начал тихо Прохор, – *его же даде ему Бог, показати рабом Своим, имже подобает быти вскоре. И сказа, послав чрез Ангела Своего рабу Своему Иоанну...*

Вера и другие

Год 137-й от Рождества Христова еще не был годом 137-м от Рождества Христова.

Годы в Риме пока отсчитывались от основания Рима. И от начала правления очередного императора – земного бога, чьи статуи украшали храмы.

Конец света пока не наступил. Его ждали, о нем думали и переговаривались между собой. Но он не наступал. Нужно было продолжать жить в том душном и стареющем мире, который был. Жить по его календарям, ходить по его улицам, есть его хлеб и пить его воду.

Итак, шел год 890-й со дня основания Рима. 20-й – правления императора Адриана.

Каким был этот год? Вероятно, неплохим. Войны почти не велись; казней было не больше, чем обычно.

Адриан вообще был хорошим императором – толковым, образованным. Страсти к новым завоеваниям, как его предшественник Траян, не питал. Удержать бы саму империю – пеструю, как покрывало, и гудящую, как улей, – в прежних пределах.

И Адриан укрепляет границы, возводит валы с воротами и кастелами и лично инспектирует отдаленные провинции. Все ли спокойно? Нет ли недовольств?

Он увлекался философией и покровительствовал искусству. Ослабил налоги, улучшил положение рабов. Много строил, еще больше ломал – ломал и перестраивал. Как и его предшественники.

На 20-м году его правления Адриану шел 62-й год. Идеальный возраст для диктатора. Жажда власти и славы отступает, приходит тихая мудрость, ясная и прохладная, как осенний день. Чтение древних философов, одинокие прогулки по саду на вилле возле Тибура. Не совсем, разумеется, одинокие: стараясь не попадаться на глаза, за ним, земным богом, бесшумно следуют телохранители. Враги все-таки не дремлют и только ждут удобного случая. В прошлом году он казнил нескольких сенаторов. Пришлось, что поделаешь.

Впрочем, сенаторы – не самое худшее. Многих даже казнить не требовалось – сами справлялись. Ванна, кинжал, теплая вода. Вначале чуть красноватая, потом все темнее и темнее...

Хуже было с инородцами. Назовем вещи своими именами – поскольку в год 890-й от основания Рима политкорректности еще не изобрели. Итак, хуже всего было с иудеями.

Только год назад Адриан подавил восстание Бар-Кохбы. Подавление было суровым и показательным: вся Иудея превратилась в огромную кровавую ванну.

Но Иудея, слава Аполлону, была далеко. Да и жила там только часть иудеев, миллиона два, не больше. А остальные шесть расплылись по всей его, Адриана, империи – пестрой, как покрывало, и гудящей, как улей. Шесть миллионов – уже ощутимая цифра. И с этой цифрой надо было что-то делать. Их становилось все больше в самом Риме.

Бедный Рим, кого только в тебе не было... Весь Восток, кажется, хлынул сюда. Ремесленничать, торговать своими руками, своей головой, своим телом, наниматься на всякую работу за гроши – точнее, за сестерции. Горбоносые сирийцы, шустрые греки, смуглые египтяне. Но с этими было проще – их боги не запрещали молиться римским богам. И это было с их стороны разумно. Молитесь дома и в своих храмах кому хотите. Но раз вы живете в нашем государстве, едите наш хлеб и пьете нашу воду, извольте уважать наших государственных богов. И инородцы – шустрые, смуглые, горбоносые – это понимали. И уважали. Все. Кроме иудеев.

Казалось бы, что тут сложного? Смотрите, какие статуи. Прекрасные? Прекрасные. Юпитер, Юнона, Аполлон. Рядом его, Адриана, статуя, с мраморной бородкой – как-никак он тоже божество, должность обязывает. Или вот Антиной – видите статую Антиноя рядом с императорской? Его, Адриана, любовник – утонул, бедняга, несколько лет назад в Ниле. Он его тоже назначил богом, посмертно. Народ, как всегда, воспринял это с воодушевлением. Народ любит все новое. Новые бани, новые зрелища, новых богов. Все. Кроме иудеев.

Нет, некоторые, наиболее культурные из них, бывали в храмах. Приносили жертвы, все как положено. Но культурных иудеев было мало. Большинство же их поклонялось какому-то единому Богу, которого было запрещено высекать в мраморе и отливать в бронзе. Которого нельзя было даже называть по имени. С которым было невозможно договориться.

Но самыми опасными среди них были, разумеется, христиане.

Римские императоры – первые гонители христиан – слабо разбирались в богословии. Для них христиане были всего лишь новой иудейской сектой. Зато в юриспруденции императоры разбирались неплохо. Христиане же умудрялись нарушить почти все римские законы о религии. Их можно было судить и за *sacrilegium* – преступление против веры: отказывались почитать римских богов. За *crimen laesae majestatis* – оскорбление императора: не признавали его богом. За *collegii illiciti* – незаконные сборища. И особенно за *ars magica* – занятие колдовством. Именно так квалифицировались исцеления, изгнания бесов и прочие чудеса.

И христиан судили по всей империи. За преступления против веры. За оскорбление императора. За незаконные сборища. За занятия колдовством.

На этот раз Адриан решил разобраться лично.

Он уже давно повелел Антиоху, наместнику области, привести к нему кого-нибудь из этих... да, христиан. Не из оборванцев, разумеется. Пусть отыщет кого-нибудь почище, пообразованней. Чтобы можно было побеседовать на ученые темы, не затыкая ноздри от вони и уши от разных глупостей. Побеседовать и полностью опровергнуть их предрассудки и нелепые выдумки.

Антиох выполнил приказ.

Несколько дней назад они были доставлены в императорский дворец. И предстали перед императором.

Это были женщины.

Мать и три дочери, совсем еще девочки.

«Увидев царя, они воздали ему подобающую честь, – сообщает житие, – но стояли перед ним без всякой боязни, без всякого изменения в лице, с мужеством в сердце и смотрели на всех веселым взором, как будто бы они были призваны на пир».

Адриан с удивлением разглядывал своих гостей. Потом посмотрел на Антиоха. Ты привел мне женщин, Антиох? «Государь, они образованы и сведущи в науках...» Они, кажется, не иудейки? «Они италианки, государь, вдова и три ее дочери». Тем хуже для них, Антиох. «...Кто-то приохотил эту женщину к чтению иудейских книг. А она уже подучила этому своих бедных детей...»

Возможно, этот диалог звучал так. Возможно, нет. Возможно, Антиоха вообще не было в этот момент в зале. А был только Адриан, несколько придворных и телохранителей. И мать с тремя дочерьми в пятне солнечного света, падавшего на мозаичный пол через комплювий.

«Видя их благородные, светлые и бесстрашные лица, царь стал спрашивать, какого они рода, как их зовут и какова их вера».

Отвечала женщина. Девочки молчали и жались к матери.

Родом они из Милана, италианки. Мать зовут Софией. Дочерей – Верой, Надеждой и Любовью. Двенадцать лет. Десять лет. Девять лет.

Женщина подтвердила, что она – христианка. И что воспитала в этой вере своих дочерей. Потом стала говорить о Христе.

– Достаточно!

Адриану хотелось задать ей несколько каверзных вопросов, развернуть пару сокрушительных силлогизмов. Но во рту вдруг стало сухо, словно кто-то отер десны, язык и нёбо колючей шерстяной тряпицей. Сухость и горечь.

Не случайно этих христиан обвиняют в колдовстве.

Он приказал их увести. Как повествует житие – к некой «знатной женщине Паллади, поручив ей наблюдать за ними». На три дня.

Эти три дня император мучился бессонницей. Как когда-то в молодости, в Парфянском походе, в котором сопровождал Траяна. Мало спал, редко выходил на прогулку. Он готовился к диспуту. София. Вера, Надежда, Любовь.

Он читал историков, раторов, философов. И еще, прикрыв уставшие от чтения глаза, молился. Боги должны помочь ему. Вы слышите? Вы, боги государства, боги Рима! Возвысившие Рим над десятками, сотнями народов! Сделавшие его средоточием мира! Святилищем наук, ремесел, просвещения. Светочем цивилизации!

– Или вам нужна кровь? – спрашивал он статуи. – Их кровь?

Боги смотрели на Адриана стеклянными глазами, молчали и улыбались.

И настал третий день.

Снова Адриан сидел на троне, а они – четверо – были внизу. Только дочери уже не жались к матери, а стояли прямо.

– Дети! Видя вашу красоту и щадя вашу молодость, я советую вам, как отец: поклонитесь богам, властителям вселенной!

Адриан сделал жест рукой – в сторону статуй.

Статуи молчали и улыбались.

– И если выслушаете меня и исполните то, что вам приказано, то я назову вас своими детьми. Да! Я призыву начальников и правителей и всех моих советников и при них объявлю вас своими дочерьми.

По залу пронесся шепот восхищения. Дочерьми! Император готов объявить этих несчастных своими дочерьми! Воистину, милость императора безгранична! Да здравствует император!

Шепот стих. Женщина молчала. Вера. Надежда. Строгие, безмолвные. Только Любовь слегка улыбалась – каким-то своим, детским мыслям.

– А если вы не слушаете и не исполните моего повеления, то причините себе великое зло! – Адриан облизал губы, горечь во рту снова вернулась. – И старость матери своей огорчите, и сами погибнете в то время, когда бы могли более всего веселиться, живя безопасно и весело.

«Безопасно и весело» он уже произнес тусклым, упавшим голосом.

Сделал несколько быстрых глотков из чаши.

– Итак, для вашего же собственного блага послушайте меня... – Адриан торопился договорить, пока рот снова не наполнится углями. – Ибо я люблю вас, и не только не хочу губить красоты вашей и лишит вас жизни, но желал бы стать для вас отцом.

Вера подняла голову:

– Отец наш – Бог, на небесах живущий.

Все было ясно, можно было заканчивать. Оставалась одна юридическая формальность.

Запищали флейты. Вдоль колонн двинулась процессия. Впереди, на носилках, слегка покачивалось изваяние богини, украшенное цветами и лентами.

Носилки приблизились. Флейты, пискнув, замолкли.

– Принеси жертву великой богине Артемиде!

Указал на Веру.

Вера не двинулась с места. Так они стояли неподвижно друг напротив друга, девочка и каменное изваяние.

– Принеси жертву великой богине Артемиде!

Вера помотала головой.

А вот теперь действительно можно было заканчивать. И как можно скорее.

– Раздеть ее. Щипцы!

Принесли подстилку из бычьей кожи, чтобы кровь не испортила драгоценный мозаичный пол.

Адриан вышел в сад. Было тепло, в мраморном бассейне спокойно плавали рыбы. Он взял с собой флейтистов, чтобы их игра заглушила крики. Но криков не было.

Когда он вернулся, все уже было закончено. Палач вытирал тряпкой большие волосатые руки.

Оставались еще две сестры. И мать.

Он повторил все, что сказал до этого. Готов стать их отцом. Не хочет погубить красоту. Неужели так сложно принести жертву Артемиде?

Он подошел к Надежде:

– Ну, посмотри, какая она красивая, великая богиня... Какое у нее платье! Тебе нравится? У тебя будет такое же. Почти такое же. Поклонись же ей, дуручка.

Он попытался улыбнуться. Не сразу, но это ему удалось. Тут же заболели щеки и зачесался подбородок.

– Царь! – услышал Адриан как будто откуда-то сверху, а не от этой девочки-подростка. – Разве я не сестра той, которую ты умертвил? Разве я не от одной с нею матери родилась? Не тем же ли молоком я вскормлена и не то же ли получила я крещение, как и сестра моя?

Император кивнул и снова ушел в сад, покормить рыб.

«*Animula vagula, blandula*», – вертелось в голове императора. «Душа моя, странствующая и ласкающая». Огромные окуни, доставленные ему из Египта, лениво ловили кусочки хлеба.

К вечеру все было завершено.

Слуги молча складывали инструменты, разбирали железную клетку, чистили пол, который все-таки немного забрызгали. Придворные, нагледевшись на зрелище, расходились по своим делам. Статую Артемиды унесли, флейтистам накрыли ужин на кухне. Остальные тоже торопились подкрепиться. После казни обычно разыгрывался аппетит.

Вот, собственно, и все. Христианка София, вдова, родом из Милана, была признана виновной в *sacrelegium, crimen laesae majestatis*, и так далее. А также в том, что воспитывала в этих беззакониях своих дочерей. Однако ей, по милости императора, была сохранена жизнь. В тот же вечер ей были выданы тела трех ее дочерей, о чем была произведена соответствующая судебная запись. Вдова погребла их недалеко от Рима и три дня молилась на их могиле. На четвертый день ее нашли мертвой и там же погребли.

Адриан тоже вскоре умер. Меньше чем через год. В самом расцвете славы и могущества. На смертном одре он написал стихотворение:

*Animula vagula, blandula,
Hospes comesque corporis,
Quæ nunc abibis in loca
Pallidula, rigida, nudula,
Nec, ut soles, dabis iocos.*

«Душа моя, странствующая и ласкающая, пока ты была спутницей и гостьей тела. В какие страны ты отправляешься теперь, оцепенелая, нагая, покрытая смертельной бледностью? Все твои шутки пришли к концу».

Вряд ли кто-то из окружения Адриана мог ответить на вопрос, куда отправится его душа. Равно как и знать, где окажется прах императора два века спустя, когда Империя – пестрая, как покрывало, и гудящая, как улей, – станет христианской.

Феодор

О его детстве известно немного.

Родился около 314 года в Латополе на берегу Нила, на юго-востоке Египта. Имя «Латополь» город получил от огромного нильского окуня – латеса, священной рыбы богини Нейт. В городе почитался и местный бог Хнум, ведавший разливами Нила. Руины храма, посвященного Хнуму, сохранились до наших дней.

Феодор был сыном богатых родителей. Подостком он ушел из дома, некоторое время жил в монастыре недалеко от Латополя. Насельники монастыря собирались по вечерам для беседы; на одной из таких бесед некий инок, вернувшийся из Тавенисси, рассказал о возникшей там обители и ее основателе – их земляке, авве Пахомии.

Вскоре в латопольскую обитель прибыл монах из Тавенисси; снова Феодор слушал рассказы об этом удивительном братстве. Когда монах собрался в обратный путь, Феодор стал упрашивать взять его с собой, но тот не решился. Монах со своими спутниками сел в лодку, Феодор тайком пошел вслед за ними.

Лодка плыла, отрок шел.

Дойдя до Тавенисской обители, он опустился на колени и поцеловал ее стены.

Египет в Ветхом Завете есть образ тьмы – тьмы египетской, насланной за отказ фараона отпустить иудеев. Моисей простер руку к небу, и опустилась тьма, и никто не видел друг друга и не вставал со своего места три дня.

Египет в Ветхом Завете есть образ рабства, страна идолов, земля пустыни.

В Новом Завете в Египет бежит от преследований Ирода семья Младенца Иисуса. В 328 году императрица Елена сооружает храм над пещерой, в которой, по преданию, нашло убежище Святое семейство.

В третьем-четвертом веках Египет просиял именами Афанасия Великого, епископа александрийского, и основателей монашества Антония Великого и Пахомия Великого.

Антоний Великий был отцом особножительного монашества. В основанных им обителях монахи жили каждый в своей пещере или хижине, собираясь вместе только на богослужения. Множество таких поселений возникло в Нитрийской пустыне, неподалеку от Александрии, в Нижнем Египте.

Пахомий Великий заложил монашество общинножительное. Монахи жили совместно, по два-три человека в келлии. Несколько келлий составляли «дом» – объединение по общему роду послушаний, которые иноки несли по благословению главы монастыря – аввы. Пахомий основывал монастыри на юге, в Верхнем Египте.

Молодой Феодор пришел в Тавенисси около 328 года.

Авве Пахомию было под сорок, Феодору – около четырнадцати.

Пахомий скоро выделил молодого монаха и часто наставлял его.

Как-то Феодор встретил одного брата с ковром на плечах, шедшего с какого-то послушания. Феодор полюбопытствовал, откуда тот идет.

Пахомий подозвал Феодора:

– Феодор, будь господином своего сердца в каждое мгновение. Не спрашивай у брата: «откуда ты идешь?»; это может войти в привычку. Какая надобность в таких расспросах? Не служат они ни для утешения, ни для спасения.

Другой раз Феодор пожаловался Пахомию, что у него сильно болит голова. Пахомий ответил, что верующему не должно объявлять свои телесные недуги, кроме случаев, когда их нельзя скрыть. С тех пор никто не слышал от Феодора жалоб.

Однажды Феодор заметил, что один молодой монах ест за обедом много зеленого лука. Когда братья вышли из трапезной, Феодор, прислонясь к стене, стал порицать этого монаха:

– Монах не должен есть столько зеленого лука: он дает силу телу, и оно начинает воевать с душой...

– Разве не стена поддерживает твоё тело, брат Феодор? – спросил подошедший Пахомий.

Феодор, выпрямившись, стал каяться перед Пахомием – давая послабление своему телу, он пытался учить телесному воздержанию других.

– Ты знаешь сам, что отовсюду подступает мрак, – говорил авва Пахомий. – Разумные молчат, время лукаво; каждый мнит себя господином самому себе; следи за собой.

Феодор следил.

...Пустыни, раскаленный песок под ногами, знойный ветер. Лишь возле Нила вид внезапно менялся, песок уступал место темной, плодородной земле; качались на ветру финиковые пальмы.

Пахомиевы монастыри обычно создавались в запустелой деревне, которую покинули жители. Монахи поселялись в оставленных домах, основное пропитание получали из соседней деревни, туда же ходили на литургию. В Тавенниси монахи стали строить церковь в деревне даже раньше, чем в монастыре; лишь когда число братий в обители достигло ста, они стали возводить ее для себя.

Для служения в этой церкви и был рукоположен Феодор – отсюда и прозвище «Освященный»: он первым среди братий удостоился священства.

Число монахов в Тавенниси умножалось. Пахомий пошел искать место для новой обители и нашел его к северу от Тавенниси, в Пабау. Здесь был устроен новый монастырь, вскоре ставший сердцем всего общежития.

Феодор был оставлен главой в Тавенниси. Пахомий благословил его обходить все новооснованные монастыри и наставлять их насельников. А спустя некоторое время взял Феодора к себе в Пабау, сделав своей правой рукой.

Авва Пахомий часто болел. Около 344 года заболел так тяжело, что монахи решили, вот-вот отойдет. Стали просить Феодора стать их главой. Феодор вначале не соглашался: на это требовалось благословение аввы. Но затем уступил.

Пахомию неожиданно стало легче.

Феодор вначале оправдывался перед ним, что не имел даже мысли стать настоятелем, что согласился только после многих просьб... Потом тихо проговорил:

– Я согрешил, любовь к власти всегда была во мне.

– Нет у тебя более никакой власти, – сказал авва.

Феодор, заплакав, вышел.

Два года он нес покаяние. «Наказал же его авва Пахомий потому, – говорится в житии, – что хотел, чтобы Феодор стал совершенным и невластолюбивым».

Два года истекли.

Феодор вернулся к Пахомию, тот снова тяжело болел.

Войдя, он подошел к авве со спины, приподнял его голову и поцеловал ее.

– Кто поцеловал меня? – приоткрыл глаза Пахомий.

– Феодор, – ответили монахи.

Пахомий допустил Феодора служить ему во время последней болезни. Перед самой кончиной именно ему поручил перезахоронить свое тело в таком месте, о котором бы никто не знал.

Но преемником своим назначил другого инок, Петрония. Тот, однако, вскоре умер; аввой в Пабау стал Орсисий – монах праведной жизни, богослов, причисленный к лику святых.

Феодор же продолжал выполнять разные послушания. Вначале в доме плотников в Пабау, потом в доме пекарей в Пихнуме...

Авва Орсисий был более склонен к созерцанию, управлять разраставшимися обителями становилось ему все тяжелей.

Около 350 года он назначил Феодора своим соправителем. А вскоре совсем удалился от дел.

Феодор, однако, не принимал ни одного важного решения без согласия Орсисия.

Став аввой, Феодор сохранял правила и обычаи, принятые при Пахомии. Проживание монахов домами, вечерние молитвы. Общие трапезы, сухой хлеб с высушенной зеленью, вареная чечевица с небольшим добавлением масла.

Трапезничали в молчании и нешутливости. Один бывший комедиант, ставший монахом, имел обыкновение за трапезой поглажать прежней своей привычке. Монахи положили изгнать его; спасло шутника только заступничество Феодора, взявшего его на поруки.

Раз в день, под вечер, монахи собирались на площади, Феодор садился посредине под пальму и беседовал с ними.

– Авва Феодор, почему, когда мне говорят что-то резкое, я тотчас начинаю гневаться?

– Что ж тут странного? Ствол акации, когда по нему ударят топором, выделяет горькую камедь, а виноградная гроздь, когда ее выжимают, – сладкий сок. Так и верующий, когда ему скажут что-то неприятное, отвечает сладостью смирения, а гневливый – одной бесполезной горечью.

Число братьев в Пабау достигло шестисот.

Феодор основывает три мужских и один женский монастырь.

Рядом со светом египетским шевелилась египетская тьма.

Бродили по египетским пескам гностики, последователи ересиарха Валентина, проповедовавшие ненависть к плоти и не признававшие священства.

Бродили маркиониты, отрицавшие телесную природу Христа.

Бродили манихеи, учившие о двух богах.

Но опаснее всех были ариане, утверждавшие, что Христос не рожден, а сотворен Богом-Отцом и не единосущен ему.

В 340-х годах ариане захватили церковную власть в Александрии и изгнали Афанасия Великого.

Феодор не был богословом, он молился, чтобы Господь открыл ему истинное учение о Троице.

«Во время молитвы, – сообщается в его житии, – увидел он три столпа света, целиком равные и обладающие полным тождеством друг с другом. И услышал голос: „Не обращай внимание ни на разделенность столпов в этом зримом образе, ни на их очертания: разумеи одно только тождество их. Ведь в сотворенном мире нет ни одного примера, могущего представить Отца и Сына и Святого Духа“».

Феодору было открыто и о приближении новых, еще более жестоких испытаний.

– Некоторые из рода нашего, – объявил он на собеседовании с братией, – воздвигнут гонение на церковь Божию и многим повредят.

– Кто же эти гонители из нашего рода? – спросил кто-то из иноков.

– Презренные ариане, – ответил авва.

Братья понуро молчали.

– Но это не все, – продолжал Феодор. – Когда гонение будет в разгаре, кесарем станет язычник, который будет строить козни против нас.

В 353 году кесарем стал арианин Констанций.

В 356 году в Александрию прибыл новый военный правитель Египта, дук Сириан, с повелением подавить православных; почти одновременно прибыл и арианский архиепископ Георгий, открывший новое гонение на сторонников Афанасия.

«Святые монахи в Египте и Александрии, а также монахини и ревностные миряне были забиваемы насмерть, а египетские епископы изгнаны», – писал современник.

После Констанция на римский престол, как и было предсказано, восшел кесарь-язычник, Юлиан Отступник.

Тьма сгущалась, епископ Афанасий скрывался и ожидал со дня на день смерти.

Авва Феодор с еще одним монахом пришел к нему и предложил переждать это время в его монастыре. Монахи наняли для Афанасия закрытый корабль, однако ветер сменился, и корабль пришлось тащить волоком.

Погоня вот-вот должна была настичь их.

– Поверьте, – сказал епископ, идя по мокрому песку, – мое сердце никогда не было таким спокойным, как теперь, ибо я знаю, что умру за Христа.

Авва Феодор на это улыбнулся, а второй монах едва не рассмеялся.

– Почему вы смеетесь? – удивился епископ. – Вы презираете меня за малодушие?

Авва Феодор объяснил причину: ему было открыто, что в тот час погиб в Персии гонитель Юлиан.

Затем Феодор предрек, что на смену Юлиану придет царь-христианин и Афанасий будет возвращен на александрийскую кафедру.

Так все вскоре и случилось.

Феодор еще пять лет будет возглавлять Пахомиевы обители. В пасхальное воскресенье 368 года он почувствует недомогание и через несколько дней отойдет. Братья во главе с Орсицием оплачут почившего авву, а епископ Афанасий напишет им письмо утешения.

«Никто, вспоминая о нем, да не проливает слез, но да подражает каждый жизни его, ибо не должно печалиться об отошедшем в беспечальное место».

Как-то авва Пахомий рассказал Феодору о бывшем ему видении.

«Увидел я великое место, со множеством столбов и множеством людей, которые не видели, куда им идти, и кружили вокруг столбов, думая, что они уже проделали долгий путь. И исходил отовсюду голос: „Сюда! Здесь свет!“ И все поворачивались, чтобы найти его. И снова раздавался голос, и опять поворачивались. И была там великая печаль.

И затем вижу я светильник на вершине, светящий, как утренняя звезда. Четверо увидели его, пошли к нему, а остальные последовали за ними, каждый держась за плечо ближнего, чтобы не заблудиться в темноте. И если кто-нибудь отпускал переднего, то сбивался с пути. И увидев, что двое из них отпустили передних, стал я им кричать: „Держите, не отпускайте ни себя, ни других!“ И, идя за светильником, вошли они через дверцу в этот свет».

Всю свою жизнь шел Феодор на этот свет.

На пути этом порой спотыкался, но поднимался и снова шел на свет. Следом за аввой Пахомием, рядом с аввой Орсицием, рядом со святителем Афанасием... Шел и вел за собой других. И тьма не объяла их.

Иероним

Я – поздний Рим, в его темный закатный час;
Взглядом встречая варваров бледных полки,
Я составляю сонные акrostихи,
Где солнце золотое пляшет в последний раз².

Так опишет увядание Рима в своем знаменитом сонете «Томление» Поль Верлен.

Таким застанет Рим в 349 году двенадцатилетний Иероним, сын богатых христиан из Далмации.

В Рим он прибывает вместе со своим другом и молочным братом Бонозом. Огромный город, пусть и не такой величественный, как в эпоху своего расцвета, должен был поразить их.

Этим городом Иероним будет ранен на всю жизнь. В самом конце ее, на окраине рассыпающейся империи, он будет с тревогой следить за новостями из Рима и громко оплачет его падение.

Пока же он, подросток, бродит по городу, то взбираясь на холмы, то спускаясь к Тибру; то один, то положив ладонь на плечо Боноза. Над верхней губой Иеронима темнеет юношеский пух. Город сумерек и упадка прекрасен – возможно, даже прекраснее, чем прежде: своей закатной, болезненной красотой.

Вместе с Бонозом он учится у знаменитого ритора Элия Доната.

– У латинян, – медленно диктует Донат, – есть четыре вида собственных имен: личное имя, родовое имя, семейное прозвище и дополнительное прозвище... как, например, Публий Корнелий Сципион Африканский.

Иероним, примостившись у колонны, записывает вместе со всеми.

«Будучи юношей, я пылал удивительной ревностью к учению», – вспомнит он позже. Он переписывает для себя книги латинских классиков, постепенно у него возникает целая библиотека.

Окончив курс грамматики, Иероним перешел к риторике.

– Как говорил комедиограф Теренций, – Донат останавливается рядом с Иеронимом, – «Нельзя сказать ничего, что уже не было сказано раньше».

Иероним поднимает глаза на учителя. Он уже не раз слышал: все лучшее уже сказано, продумано, совершено...

– «Нельзя сказать ничего, что уже не было сказано раньше», – повторил Донат. И усмехнувшись, добавил: – Да сгинут те, кто все сказали раньше нас!

Ученики одобрительно зашумели.

Через много лет, уже отшельником в Вифлеемской пещере, Иероним напишет: «Часто и теперь, с плешью и седою головой, вижу я себя во сне тщательно причесанным, с подобранной тогой, декламирующим перед ритором контроверзу».

А в одном из богословских споров язвительно бросит своему оппоненту: «Найми учителей грамматики и риторики, выучи диалектику, поучись в школах философов!»

В душе озябшей лишь скуки густой запас,
Где-то, по слухам, берут города враги.
О, тени желаний, медленны и глухи.

---

² Здесь и ниже стихи, приводимые без указания имени переводчика, переведены мной. – С. А.

О, поздний закат, что, не догорев, погас.

Варварство угрожало Риму не столько снаружи – оно зрело внутри его.

Вот как описывал Рим времен Иеронима его старший современник Марцеллин: «Немного дома, раньше славные заботами о науках, теперь изобилуют только забавами лени... Место философа занял певец, место оратора – преподаватель сценического искусства; и в то время как библиотеки, подобно гробницам, вечно закрыты, устраиваются только гидравлические органы, огромные лиры, видом похожие на колесницы, и сложные приборы для театральных увеселений».

По вечерам Иероним и Боноз посещают эти представления.

Особенным успехом пользовался номер, когда сцену заполняли куриными яйцами и плясун, подвешенный на тонких невидимых нитях, танцевал по ним, не повреждая ни одного. Зрители рукоплескали, и Иероним вместе со всеми.

Эти образы будут преследовать его в сирийской пустыне. «О, сколько раз, удалившись в уединение, я представлял себя среди наслаждений Рима!.. Как часто, в сообществе одних диких зверей и скорпионов – в мечтах присутствовал в хороводах дев!»

Помнит ли юный Иероним, что он христианин?

Да, иногда он вспоминает об этом. Проходя мимо неказистой базилики Святого Петра на месте прежних садов Нерона. Или пробуя читать Писание; после блистательной латыни Цицерона и Горация библейский стих кажется грубым и неуклюжим. Слышал ли он рассказы о римских мучениках? О египетских монахах?

Иногда по воскресным дням, вместе с Бонозом и другими сверстниками, он посещал гробницы апостолов и мучеников.

– Что с тобой? – смотрит Боноз, заметив серую бледность на лице друга.

– Ничего... сейчас пройдет.

«...Пещеры, вырытые в глубине земли, в стенах которых по обеим сторонам лежат тела погребенных и в которых повсюду такая темнота... Там среди мрачной ночи приходит на память известный стих Вергилия: *horror ubique animo, simul ipsa silentia terrent*».

Так он будет стоять среди могил святых – в полутьме, в холодной испарине, смешивая молитвы со стихом Вергилия. «Ужас повсюду и вместе безмолвие дух устрашает».

А потом будет снова Рим, слепящее солнце, театральные зрелища и хороводы.

«Юноши и девушки, блистая первым цветом молодости, прекрасные по внешности, в нарядных костюмах, с красивыми жестами двигались взад и вперед, исполняя греческий пиррический танец; то прекрасными хороводами сплетались они в полный круг, то сходились извиистой лентой, то квадратом соединялись, то группами врозь рассыпались»³.

Таков был Иероним в пору первого своего жительства в Риме.

Таков был сам Рим, лишь поверхностно затронутый христианством. «Вчера в амфитеатре – сегодня в церкви, вечером в цирке – утром в алтаре» (как напишет позже Иероним). Рим, переходящий от чтения Евангелия к Тациту и Светонию и перемежающий псалмы стихами Вергилия.

О, желать умереть и умереть не мочь.

Да, выпито все. Что скалишься ты, глупец?

Да, выпито все и съедено все. Конец.

Лишь стих, немного смешной, что сожгу в эту ночь.

Лишь раб, что наглее все и нерадивей.

---

³ *Апулей*. «Метаморфозы». (Перевод Михаила Кузмина).

Лишь боль, тем сильнее, чем необъяснимей.

Боль сидела в нем, боль разорванной мысли, трещины, прошедшей поперек всей эпохи. 367 год. Иерониму около девятнадцати, он завершил учение и вместе с Бонозом едет в Галлию. Он уже бреет щеки; голос огрубел, глубоко сидящие глаза глядят пытливо. Они движутся на северо-запад, в Треворум, нынешний Трир. Римом правит Валентиниан Первый, последний сильный император; в Треворуме его резиденция. Прекрасная возможность блеснуть талантами и начать службу при дворе.

Но вышло иначе.

Нет, и Иероним, и Боноз были представлены императору и приняты на службу. *Agentes in rebus*. Это иногда переводят как «тайная полиция», но *agentes in rebus* ведали еще и отправкой курьеров, и безопасностью дорог, и многим другим. Для начала придворной службы даже очень неплохо. Иероним вместе с Бонозом ездит по Галлии, начинает изучать местный язык...

И все же не совсем то, чем он желал заниматься, готовя себя в Риме к поприщу юриста и посещая суды, чтобы послушать знаменитых ораторов. И совсем не то, чего ищет его душа.

Придворная служба, дворцовые интриги быстро становятся в тягость. Он переполнен богатствами римской образованности, но они пылятся в нем, как ненужный хлам. Иногда вместе с Бонозом он гуляет по тенистому саду за городскими стенами.

– Скажи, чего мы домогаемся здесь своими трудами? – спрашивает он Боноза. – Чего ищем? Ради чего служим?

Боноз молчит, наклонив голову; только шум листвы и редкие крики птиц доносятся в ответ.

Так они гуляли и в тот день; Валентиниан после полудня отправился на цирковые зрелища; часть свиты последовала за ним, часть была предоставлена самой себе.

В этот раз друзья забрели дальше обычного.

– Смотри! – остановил его Боноз.

Перед ними была лесная хижина.

Хижина была пуста; судя по всему, в ней жил отшельник-христианин. Иероним собрался было выйти из нее, как вдруг увидел небольшую книжку.

Боноз уже держал ее в руках.

– «Антоний родом был египтянин. Родители его, люди благородные и богатые, были христианами...» – начал Боноз с того места, на котором она была открыта.

Вопросительно поглядел на Иеронима.

Тот кивнул, и Боноз стал читать дальше.

– «По смерти родителей остался он с одной малолетней сестрой и, будучи восемнадцати лет от роду, сам имел попечение и о доме, и о сестре. Но не минуло еще шести месяцев по смерти родителей, когда он, идя по обычаю в храм Господень, по пути стал размышлять о том, как Апостолы, оставив все, пошли во след Спасителю... С такими мыслями входит он в храм. В читанном тогда Евангелии слышит он слова Господа к богатому: *аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси и гряди в след Мене*. Антоний, приняв это за напоминание свыше, выходит из храма и все, что имел во владении от предков – было же у него триста арур весьма хорошей, плодородной земли, – дарит жителям своего села, а все прочее имущество продает и раздает нищим, оставив немного для сестры...»

Дальше описывалось, как этот доселе неизвестный Иерониму и Бонозу египетский юноша оставил все и ушел в пустыню, чтобы полностью посвятить себя Богу.

Боноз замолчал.

Гасли последние лучи, опускались сумерки. Иероним отер испарину. Подняв голову, он поглядел на друга:

– Скажи, я уже спрашивал тебя, ради чего мы служим при дворе? Пусть даже со временем мы возвысимся и получим звание «друзей императора» – разве оно не хрупко и не полно опасностей? и когда еще это будет? а другом Божиим, если захочу, я могу стать прямо сейчас!

Боноз, как всегда, понял его. Друзья молча обнялись.

В тот же вечер на имя императора было подано прошение.

368 год. Иероним возвращается в Рим. На этот раз он пробудет в нем недолго. Цель его, как и Боноза, – Аквилея; там сложился богословский кружок из таких же, как он, выучеников риторских школ, посвятивших себя богословским занятиям и молитве. «Хор блаженных», как назовет его Иероним.

В этот свой недолгий приезд, между Треворумом и Аквилеей, он увидит Рим другими глазами. Нет, это будет все тот же город, пропахший потом, чесноком и испарениями от Тибра. Женщины будут все так же разглядывать его в упор, шевеля крашеными губами. И все же это будет уже другой Рим.

Точно город вдруг наполнится новым смыслом, станет прозрачнее. Рим прежний, языческий увядает и крошится на глазах; на его дряхлеющем великолепии будет созидаться Рим новый.

И этот Рим должен возникнуть не в великих постройках; в Риме уже ничего не возводили нового. Даже полвека назад, когда строили арку Константина, скульптурные украшения для нее снимали с сооружений прежних времен. Так возводились и первые христианские храмы: из кусков прежних языческих святилищ.

«Нельзя сказать ничего, что уже не было сказано раньше»? «Да стигнут те, кто все сказали раньше нас!» В мир пришло и распахнуло дверь новое учение, новая вера. От того, что было сказано прежде, будет взята лишь форма – чтобы построить новый, словесный Рим. Этот Рим должен подняться в слове, в новой вере, в новой, обновленной латыни. Он, Иероним, станет одним из его строителей.

В церкви латынь пока в небрежении; служба идет на греческом. На греческом читается Священное Писание, и лишь следом стыдливо звучит латинский перевод, грубый и необработанный. «Творение людей невежественных», как писал о нем богослов Арнобий.

Новый римский архиепископ, недавно избранный Дамасий, намерен все это изменить. Со временем, без ненужной торопливости. Ввести богослужение на латыни, а возможно, заменить латинский текст Писания более совершенным и точным.

– Пока же – сколько читателей, столько и переводов, и один хуже другого, – говорит Дамасий, глядя на Иеронима, которого ему по случаю представили.

Епископу нужны образованные молодые люди, такие как этот Иероним. Дамасий сам пишет стихи на латыни, воспевая подвиги христианских мучеников. Но на предложение остаться при дворе архиепископа Иероним отвечает отказом. Не для того он почти бежал вместе с Бонозом из Треворума. Друзья ищут уединенной отшельнической жизни, подобной жизни Антония; в Риме же...

– Да, в Риме такая невозможна, – соглашается архиепископ, глядя на крыши и заходящее солнце. – Но, уверяю вас, вы еще сюда вернетесь. Этот город так просто не отпускает...

В Аквилее Иероним проведет два года, углубляясь в Писание и труды церковных учителей. Овладеет греческим. Не будет забывать и своих любимых латинских авторов.

Потом он уедет на Восток.

Причины этого отъезда будут называться разные. Размолвка с родными, желавшими для единственного сына другого, светского поприща. Разлад внутри самого « хора блаженных ». Столкновение с местными властями. Или просто желание побывать там, в тех землях, откуда пришла новая вера.

Он был уверен, что Боноз поедет с ним... Он даже не сомневался в этом.

– Езжай один, – тихо, но твердо ответит Боноз. – Я останусь в Аквилее.

Иероним не сможет вначале этого понять.

«Я и Боноз росли вместе от нежного детства до цветущего возраста, – напишет он позже, – мы питались и согревались под опекой одних и тех же кормилиц и воспитателей. И после образования в Риме вместе странствовали по полудиким берегам Рейна...»

Прощаясь на пирсе, они быстро обняли друг друга и отвернулись, чтобы не видеть выступивших слез.

– Ведь мы еще встретимся? – глухо сказал Иероним.

Боноз молчал; только шум моря доносился в ответ.

373 год. Побывав в Афинах и Константинополе, Иероним прибыл в Антиохию. С собой из Аквилеи он захватил только книги.

«Я все же не мог обойтись без библиотеки, которую собрал в Риме с великим прилежанием и трудом. И я, несчастный, постясь, предполагал читать Цицерона. После частых бдений ночных, после слез, которые из глубины сердца исторгало у меня воспоминание прошлых грехов, в руки брался Плавт. Если, опомнившись, я начинал все-таки читать пророка, меня ужасала грубость речи...»

А вскоре случилось вот что – он смертельно заболел. В середине Великого поста им внезапно овладела лихорадка, он исхудал, готовились уже похороны; тело стало коченеть; антиохийские друзья прощались с ним.

«Вдруг, восхищенный духом, я был поставлен пред престолом Судии, где было столько света, что, пав на землю, я не осмеливался взглянуть вверх.

– Кто ты? – раздался голос.

– Я – христианин...

– Ты лжешь. Ты цицеронианин, а не христианин. Где сокровище твое, там и сердце твое!

И замолк я, и среди бичеваний – ибо Он приказал бить меня – еще более мучился в огне совести... И начал я, рыдая, говорить: „Помилуй мя, Господи, помилуй мя!“»

– Господи! Если когда-нибудь я буду иметь мирские книги, если я буду читать их, значит, я отрекся от Тебя!..

Иероним открыл глаза.

Болезнь отступила; только выступившие на плечах рубцы долго еще болели.

После этого видения он на два года удалится в Халкидскую пустыню, к югу от Антиохии. Кожа его потемнела, глаза ввалились; единственным его чтением стало Писание. Он начал изучать древнееврейский.

«Я отдал себя в обучение одному брату, обратившемуся в христианство из евреев, чтобы после остроумия Квинтилиана, плавности Цицерона, важности Фронтоня и легкости Плиния поучиться азбуке и потрудиться над свистящими и шипящими звуками. Сколько я положил труда, сколько раз отчаивался, бросал и снова начинал учиться!..»

В сирийской пустыне Иероним напишет свои первые богословские книги, «Толкования на книгу Авдия» и «Житие Павла Пустынника». Всего за свою жизнь он создаст более тридцати сочинений, не считая многочисленных речей и писем.

Из Аквилеи друзья сообщают ему о Бонозе. Тот, как и Иероним, решил посвятить себя отшельническому подвигу. «Как рыба, привыкшая жить в воде», он поселился один на маленьком скалистом островке в Средиземном море.

«Благодарю Тебя, Божественный Иисусе мой, – напишет Иероним, – за то, что Ты даровал мне такого человека, который может молиться за меня, когда Ты придешь судить мир!»

Больше они не встретятся.

Папа Дамасий оказался прав – Иероним снова вернется в Вечный город.

Случится это в 382 году. Иероним успеет уйти из пустыни из-за богословских разногласий с населявшими ее отшельниками; пожить в Антиохии, где в 377 году был рукоположен во пресвитера, и еще несколько лет в Константинополе, изучая богословие под руководством великого Григория Богослова.

И вот он снова в Риме.

Иероним ходит по улицам, по которым они когда-то бродили с Бонозом; проводит ладонью по его теплым камням. Он уезжал отсюда еще юношей, а вернулся почти старцем, хотя ему всего тридцать пять.

Он становится личным секретарем папы Дамасия. Кроме того, папа поручает ему сверку с оригиналом и исправление латинских переводов Евангелий и Псалтыри. Он продолжает углублять свои знания еврейского; с ним тайно занимается один из раввинов; он же снабжает его книгами из римской синагоги. Стиль Иеронима становится все более простым, благородным и безыскусным.

«Знаю, – пишет он, – что все это будет скучно для читателя; но рассуждающему о еврейских письменах не пристало придумывать аристотелевскую аргументацию, разводить потоки Цицеронова красноречия. Здесь нужен язык простой, сходный с обыденным, не отзывающийся никакой изысканностью, – язык, который бы раскрывал предмет, выражал мысль, выяснял неясное, а не блестел отборными словами».

На предложение Дамасия поселиться в папском дворце и вступить в римский клир Иероним ответил отказом. Он живет в заезжем доме недалеко от театра Помпея. Часть театра к тому времени обрушилась, представлений здесь не давали, и занятиям Иеронима ничего не мешало.

Но уединения ему не удастся вкушать: Рим готовит ему новую неожиданность. Стремление к аскетизму, христианской жизни стало находить все больше и больше приверженцев среди утонченных аристократов. И Иероним становится их духовным главой. Среди них много знатных матрон. Римские аристократки были известны своей страстью к роскоши и удовольствиям, но под воздействием Иеронима многие из них совершенно меняют свой образ жизни.

«Те, кто прежде не могли выносить уличной грязи и путешествовали на руках евнухов; для кого и шелковые одежды были тяжелы и жар солнца казался ожогом, – те теперь в грязи и унижении или приготавливают светильники, или растапливают печь, метут полы, чистят овощи, бросают в кипящий горшок зелень, накрывают столы, подают посуду, разливают кушанье, бегают то за тем, то за другим».

Альбина и ее дочь. Вдова Марцелла. Вдова Павла и две ее старшие дочери – Евстохия и Блезилла. А также менее известные женщины и девушки – Азелла, Лея, Марцеллина, Фелиция, Фабиола, Принципия...

Иероним стал посещать дома Марцеллы и Павлы, где собирались и остальные, проводя время за разбором трудных мест Священного Писания; иногда он давал своим ученицам уроки еврейского, вскоре они научились петь на нем псалмы.

Но Рим оставался Римом; поползли сплетни, пущена стрела клеветы. Пока был жив папа Дамасий, Иерониму ничего не угрожало, но в декабре 384 года папа скончался. Началась открытая травля. Иеронима даже вызвали на собрание клириков, где предъявили обвинение в сожительстве с Павлой... Резкое недовольство вызвал и его новый латинский перевод Евангелий: в нем видят отступление от древней традиции.

И Иероним оставляет Рим.

Он снова едет на Восток, в Иудею. Подальше от этого Вавилона, от этой *жены, облаченной в багряницу*, как называет он Рим.

Он желает погрузиться в «безвестность сельской жизни».

«Там черный хлеб, овощи, взрощенные нашими руками, и молоко, деревенское лакомство, предоставят нам пищу грубую, но невинную. Там ни сон не отвлечет нас от молитвы, ни отягощенность желудка – от чтения. Если будет лето – древесная тень даст убежище. Если осень – самая мягкость воздуха и устилающие землю листья укажут место отдохновения. Весной будут пестреть цветами поля, и среди голосов птиц слаще будут звучать псалмы. Когда настанут холода, туманы и снега, я не буду покупать себе дров, буду бодрствовать, согреваясь, или спать. А здесь пусть шумит Рим, неистовствует арена, безумствует цирк, утопают в роскоши театры...»

В 386 году он прибудет в Иудею и поселится в Вифлееме. Там, вдали от Рима, он проживет всю оставшуюся жизнь, тридцать четыре года.

Жизнь его и там была совсем не такой спокойной, как он рисовал себе. Постоянные хлопоты о монастырях, основанных в Вифлееме, возле церкви Рождества, Павлой; об открытой при них школе для юношей, в которой он еще и преподавал. Столкновения с последователями ереси Оригена – среди которых было много и бывших друзей Иеронима; борьба с еретиком Пелагием, из-за которой он был изгнан на два года из вифлеемского монастыря. Смерть Павлы, смерть ее дочери Евстохии, гибель в огне библиотеки, набеги бедуинов.

Но в Рим он не вернется. Да и куда ему было возвращаться? Город рушился. «Теперь мы и в междоусобных войнах, и против других народов не можем обойтись без поддержки варваров»; войсками Рима командует полувандал Стилхион; упоминает Иероним, не называя имени, и еще одного придворного, «чи русые волосы и бледность кожи выдают его происхождение»...

Я – поздний Рим, в его темный закатный час;
Взглядом встречая варваров бледных полки,
Я составляю сонные акrostихи,
Где солнце золотое пляшет в последний раз.

За тысячи верст от Рима, в Вифлееме, он создаст последний великий памятник исчезающему городу – не «сонные акrostихи», а полный латинский перевод Писания, свою знаменитую Вульгату.

В 410 году Рим был захвачен готами.

«Плененные епископы, убитые священники, разрушенные церкви, кони, стоящие в алтарях Христовых. Всюду плач и рыданье и образы смерти... Римский мир рушится».

Иероним переживет падение Рима всего на десять лет.

Еще столетие продлится угасание бывшего «центра вселенной». На развалинах будут обучать риторике и грамматике, среди опустевших театров и библиотек – звучать стихи Вергилия и Горация, но все реже и тише.

В 524 году будет казнен римский философ и богослов Боэций – которого назовут «последним римлянином».

Иероним все же вернется в Рим. В тринадцатом веке папа Бонифаций канонизирует его; мощи будут вывезены крестоносцами из Вифлеема, их поместят в римской базилике Святой Марии, Санта-Мария-Маджоре.

Но это уже будет другой Рим, совершенно другой Рим.

Иоанн

9 июня 404 года храм Святой Софии и архиепископский дворец были окружены войсками. Вокруг стояла густая толпа – народ уже несколько дней охранял своего архиепископа.

Архиепископом был Иоанн, прозванный Златоустом.

Правильнее сказать – *еще был*.

Покушения на Иоанна следовали одно за другим. Дважды горожанам удавалось остановить убийц. Первый, по просьбе архиепископа, был отпущен. Вторым, зарезавшим семерых слуг Иоанна, был схвачен толпой и отведен в темницу. Но – власти его отпустили. Горожане были в ярости.

Аркадий был набожным императором. В детстве он был чудесным образом спасен во время бури у горы Афон; когда тонул, ему явилась Богородица.

Но Аркадий был безвольным императором. Делами империи заправляла императрица Евдоксия. Евдоксия была женщиной больше, чем это требовалось для императрицы. Евдоксия ненавидела Златоуста.

Полдень 9 июня 404 года был душным. Солдаты расчищали в толпе проход для нотариуса, несшего Иоанну приказ императора.

«Епископы Акакий, Антиох, Кирин и Севериан приняли на себя ответственность за твое осуждение: поручи это дело Богу и уходи отсюда безотлагательно».

Иоанн обратился к епископам и клирикам:

– Пойдемте, помолимся и простимся с ангелом этого храма.

Храм Святой Софии, Премудрости Божией, выглядел тогда по-другому, был меньше и скромнее. Иоанн молился в храме.

В это время ему передали письмо от одного из начальников города из числа его друзей. «Поспешите уйти тайно, чтобы не было кровопролития между горожанами и войском».

Златоуст прервал молитву. Повелел оседлать и покрыть попоной свою лошадь и держать ее у западных врат храма для отвода глаз. Сам быстро прошел через храм к восточным вратам. Немного задержался, прощаясь с диаконами.

– Что касается меня, чувствую, что все кончено; мой путь совершен... Кто-нибудь, возведенный на этот престол, будет моим преемником. Заслужите его милосердие и помяните меня в своих молитвах.

У восточных врат он и несколько его сторонников предали себя в руки стражи. Их повели к гавани, стараясь скрыть от посторонних глаз.

Лодка поплыла по Босфору в сторону Никеи Вифинской.

«Ангел церкви, – пишет летописец Палладий, – удалился вместе с ним».

Каким видел Иоанн отдаляющийся от него Константинополь?

Трудно представить, много воды с тех пор утекло через Босфор.

Тот храм Святой Софии исчезнет очень скоро. Следующий разрушит землетрясение. Гигантская черепаха нынешнего появится двумя веками позже.

При Османах храм потеряет венчавший его крест и обрстет минаретами. Исчезнет императорский дворец, в котором Евдоксия строила козни против Златоуста. Время разрушит ипподром и театры. На другом берегу Босфора генуэзцы построят башню и тоже исчезнут. Небо над городом прошьют иглы минаретов; через Босфор ляжет наплавной мост; рыбаки с удочками, ресторанчики... От пристани будут отходить белые паромы, за паромами устремятся чайки.

Чайки были и тогда.

В то утро 9 июня 404 года они летели за лодкой, то зависая в воздухе, то слетая к воде. Кричали детскими и женскими голосами, прося милостыню.

Иоанн, плывя по Босфору, мог смотреть на чаек. Возможно, кинул им немного хлеба.

Еще он видел своих спутников, епископов Евлизия и Кириака. Священников, солдат. Смуглые руки гребцов. Рыбачьи лодки, промышлявшие кефалью, ставридой и прочей обитавшей здесь рыбой. И темные, с металлическим отблеском, волны Босфора.

Солнце покрылось кисеей, погода менялась.

Златоуст в последний раз смотрел на город.

Дѳкса то Феѳ пѳнтон энѳкѳн. Слава Богу за все.

Со стороны Черного моря шла буря.

Но прежде буря должна была разразиться на земле.

Народ, устав дожидаться архиепископа у западных дверей, заволновался. Кто-то крикнул, что Иоанна схватили солдаты. Выломав дверь в ограде, толпа хлынула в храм. Солдаты пустили в ход оружие, все смешалось, задние напирали на передних. Крики, проклятья, стоны раненых и затоптанных заполнили храм Премудрости Божией.

Не найдя Иоанна и услышав, что его уже нет в городе, люди понемногу остыли и стали расходиться.

Небо над храмом вспыхнуло и загремело.

Над кафедрой, с которой Иоанн произносил свои проповеди, брызнули искры. Пламя бросилось на хоры и вскоре, раздуваемое ветром, охватило весь храм. Храм горел; огонь добрался до Сената; с трудом удалось остановить его у императорского дворца.

Дул ветер, разнося по городу дымную горечь и крики. Волны присыпало пеплом.

Было начато следствие, в пожаре обвинили сторонников Иоанна. Все его спутники были взяты под стражу и возвращены в Константинополь для допроса.

«Я не разлучусь с моими братьями, – писал в ответ Иоанн. – Если они виновны, виновен и я. Хотя по другим обстоятельствам дела вы отказались выслушать ответ мой на обвинения, против меня возведенные, однако относительно пожара моей церкви выслушать меня следует».

Протест остался без ответа. Не для того изгоняли Иоанна, чтобы снова возвращать его в Великий город.

Иоанн оказался один. Один на один с солдатами конвоя, с пылью и жарой, с усиливавшейся лихорадкой.

Три года его будут гнать с одного места в другое.

Никея. Кесария. Кукуз.

Аравсисс.

Снова Кукуз.

Болезнь его усиливалась. Из Константинополя, из других городов доходили горькие известия. Архиепископы трех церквей Востока – Константинопольской, Александрийской и Антиохийской – объединились против Иоанна и его сторонников.

Златоуст пытался поддержать своих друзей письмами.

«Наконец, возвратилась весна, – писал он, – большая часть смертных в это благодатное время радуется цветам, украшающим землю, и зелени, ее одевающей; но мне она приятна и дорога еще тем, что позволяет издали беседовать с любезными моему сердцу».

Глава Римской церкви, папа Иннокентий, выступил в защиту Иоанна и потребовал созыва Собора. Иннокентия поддержал Гонорий, правитель Западной империи, брат императора Аркадия.

Римские епископы, отправленные в Константинополь, были схвачены, заточены в крепость, а потом отправлены обратно. Аркадий разорвал отношения с Гонорием. Папа Иннокентий прервал каноническое общение с церквями Востока.

А Златоуста было приказано перевести еще дальше, в Пифиунт.

Переписка отныне была ему запрещена, конвоем даны особые указания. В городах они больше не останавливались. Иоанна вели с непокрытой головой под палящим солнцем. Местных жителей, пытавшихся подойти к нему, отгоняли.

«Багровая голова его, – пишет Палладий, – склоненная на грудь, стала подобна созревшему плоду, который готов оторваться от ветки».

14 сентября 407 года, в Комане, в церкви мученика Василиска, этот плод оторвался от ветки.

Но полетел не вниз, а вверх.

Докса то Фео пантон энэкэн. Он перекрестился и лег на холодные плиты. Слава Богу за все. По счастью, в церкви нашелся свободный гроб.

«Закрылся театр, и маски сняты.

На здешнем театре в самый полдень употребляются завесы, и многие лицедеи являются в чужом виде и с масками на лице... Иной представляется философом, не будучи философом. Иной царем, не будучи царем, только имея вид царя, по роли. Иной – врачом, не умея управиться и с деревом... Иной – рабом, будучи свободным; иной – учителем, не зная и азбуки».

Так в «Шестой беседе о Лазаре» Иоанн сравнивал жизнь человеческую с театром.

«Маски держатся, пока увеселяющиеся сидят в театре. Но когда наступит вечер, театр закроется и все выйдут, тогда маски сбрасываются, и кто в театре представлялся царем – вне его оказывается медником... Так и в жизни, и при кончине.

Настоящая жизнь – театр. Зদেশние вещи: богатство и бедность, власть и подчиненность – представляются в ложном виде. Но когда окончится тот день и наступит та страшная ночь, или, лучше, день: ночь для грешников, а день для праведников; когда маски будут сброшены; тогда позван будет на Суд каждый со своими делами – не с богатством своим, не с властью, не с почестями и могуществом, но каждый с делами своими».

И наступила ночь.

Театр закрылся. Маски одна за другой снимались.

6 октября 404 года.

Умирает, родив мертвого ребенка, Евдоксия.

1 мая 408 года.

Умирает Аркадий. Правителем становится малолетний Феодосий.

412 год.

Умирают архиепископы Александрийский и Антиохийский, двое из трех гонителей Иоанна. Архиепископом Антиохийским становится Александр, хранивший верность Златоусту. Он вносит имя Иоанна в диптихи Антиохийской церкви и восстанавливает общение с папой Иннокентием.

425 год.

Умирает архиепископ Константинопольский, последний из главных врагов Иоанна. Имя Иоанна уже внесено в диптихи Константинопольской и Александрийской церквей.

И наступила ночь.

Ночь для грешников – и день для праведников.

В 434 году Константинопольским архиепископом становится Прокл, бывший в юности чтецом и писцом Златоуста.

В 437 году Прокл произнес с кафедры похвальное слово Златоусту.

Речь Прокла была прервана восклицаниями народа:

– Мы требуем, чтобы нам возвратили епископа Иоанна!

– Мы требуем тела нашего отца!.. Нашего Иоанна!

Иоанн возвращался в Константинополь.

27 января 438 года, через тридцать три года после своего изгнания.

На пути из Каны его перевозили из города в город под охраной императорского эскорта.

В каждом городе к останкам стекались толпы народа, священников, монахов.

В Халкидоне Иоанна встречал император Феодосий.

На украшенной императорской триремe Иоанн плыл в Константинополь.

Море покрылось множеством судов и лодок. За триремой с Иоанном летели чайки, то зависая в воздухе, то слетая к воде.

Город стекся к церкви Святой Ирины. Серебряную раку с телом Иоанна внесли в церковь.

Патриарх Прокл открыл гроб. Тело святителя оказалось нетленным и источающим благовоние. Народ радостно закричал.

Когда гроб опустили, император Феодосий снял с себя порфиру и накрыл ею Иоанна.

Потом заплакал и заговорил на женский манер:

– Помоги мне, грешнице, святой отче! И, прежде чем я буду осуждена на Страшном суде Христовом, прости меня!

Так Феодосий говорил от лица своей матери Евдоксии, подражая ее голосу.

Наутро мощи святого были перенесены в соборную церковь Святых Апостолов.

Здесь его погребли, рядом с могилами Аркадия и Евдоксии.

Много воды утекло через Босфор.

Маски истории успели снова смениться. И снова. И еще.

Исчез храм Святых Апостолов. Исчезли могилы императоров и императриц. Прибывающим в Стамбул туристам показывают теперь надгробия правителей турецкой династии Османов.

Исчезли из Константинополя и мощи Иоанна. В 1204 году в город ворвались крестоносцы, и Иоанн снова покинул его. Город горел, горели церкви, над Босфором стелился черный дым. В дыму носились с криками редкие чайки.

Восемьсот лет мощи находились в Ватикане.

В 2001 году папа Иоанн Павел II официально попросил прощения за разорение крестоносцами Константинополя. 26 ноября 2004 года Иоанн возвращался в свой город.

Его возвращение не было таким пышным, как тогда, в 438 году. Город сильно изменился за те восемьсот лет, пока его здесь не было. Но все так же торжественна была служба в соборе Святого Георгия. Толпы народа, свечи, тягучее пение мужского хора. Плеск Босфора, крики чаек. Докса то Фео пантон энекен.

Венедикт, Схоластика

Империи возникают быстро, агонизируют долго. Захват Рима готами, шумно оплаканный Иеронимом, был еще не концом. Императорская власть продержалась в стужавшихся сумерках еще более полувека. Пока наконец не рассыпалась.

В 475 году римский военачальник Орест Флавий вынудил императора Корнелия Непота скрыться в Далмацию, а на престол посадил своего юного сына Ромула Августа.

Правил Ромул Август всего десять месяцев.

Правил, точнее, его отец, Орест Флавий. Ромул лишь сидел на императорском престоле и улыбался.

В августе 476 года Орест был казнен восставшим войском. Равенна, последняя столица империи, была взята германцами; Ромул Август – свергнут; знаки императорской власти за ненадобностью отосланы в Константинополь.

Историки считают это концом Западной Римской империи.

Некоторые, правда, переносят его на четыре года позже, в 480-й, когда был убит засевавший в Далмации Корнелий Непот. Точная дата здесь не так важна. Современникам, уставшим от постоянных войн и нашествий, было уже по большому счету все равно – живут ли они в империи, в королевстве или где-то еще.

В эти годы в сотне верст к северо-востоку от Рима в городе Нурсия (в наши дни – Норча) у благородных родителей родилась двойня – мальчик и девочка.

Мальчика назвали Венедиктом.

Девочке дали имя Схоластика.

Венедикт – «благословенный». Схоластика – «ученость».

Про деянья или про дух.

Про страданья или про страх.

Вот и вся сказка про двух:

жили-были брат и сестра...⁴

Итак, жили-были брат и сестра.

О детстве их ничего не известно. Только то, что у них была кормилица, которая присматривала за ними и после того, как они вышли из младенчества. Остальное можно додумать. Родительский дом и легкий запах чада и стряпни из кухни. Церковь: родители были набожны. Детские игры, в которые дети играют во все времена; и когда рушатся империи – тоже. Изумрудные травы и стекающие с гор ручьи весной, холодные ветра – осенью.

Дети росли.

Сыну родители решили дать светское образование: это позволяло рассчитывать на высокую должность. А дочь решили посвятить Богу.

Схоластика останется жить в родительском доме в Нурсии, приняв обет безбрачия: первые женские монастыри тогда только возникали. А юный Венедикт, простившись с сестрой и родителями, отправится на учение в Рим.

Чтобы кто-то заботился о нем, родители снарядили с ним и кормилицу.

Венедикт ехал на север в потерявший былую славу, но все еще великий Вечный город.

---

⁴ Виктор Соснора.

За несколько лет до этого, в 493 году, Италию завоевали остготы Теодориха. На два десятилетия в стране установилось затишье. Теодорих покровительствовал латинской культуре и учености; при нем возшла звезда философа Боэция, сверстника Венедикта. В Рим стекались молодые люди, чтобы пройти классический курс обучения – сначала в грамматической школе, затем в риторической.

В отличие от Боэция, Венедикт не стал философом.

Столичная жизнь, шумная и полная искушений, смущала провинциального юношу. Науки, которые изучал Венедикт, также не вызвали в нем рвения. Преподавание не слишком отличалось от того, какое столетием ранее описал в своей «Исповеди» Августин Блаженный: оно оставалось языческим.

Как пишет биограф Венедикта, святитель Григорий Двоеслов, юноша «понял, что от наук многие впадают в пороки».

Вскоре Венедикт покинул Рим, чтобы посвятить себя служению Богу – как и его сестра, оставшаяся в Нурсии, о которой он не забывал.

Дороги близнецов, даже расходясь, повторяются.

Венедикт отправился на восток вместе с кормилицей, которая не пожелала оставить его. Пересек Римскую Кампанию, добрался до Тибра и поднялся вверх по течению притока Тибра Анио. Немного южнее Анио находилась деревня Эффиде (ныне Аффили). Здесь, при церкви Апостола Петра, как сообщает святитель Григорий, жили общиной «многие славные мужи, привлекаемые туда ревностью о спасении».

Венедикт стал учиться монашеской жизни.

Однажды кормилица его выпросила у соседских женщин сито; сито случайно раскололось пополам. Заметив огорчение кормилицы, Венедикт сложил половинки вместе и стал со слезами молиться.

По окончании молитвы сито оказалось целым.

Молва о юном чудотворце разнеслась по Эффиде. Но Венедикту была она в тягость: не ради мирской славы покидал он шумный Рим. Он снова бежал – на этот раз уже один, тайно от кормилицы. Целое сито долго висело у церковных дверей.

А что сестра?

От вернувшейся домой кормилицы она должна была узнать о бегстве брата. Она все еще жила в родительском доме, в обществе нескольких девушек, так же, как и она, посвятивших себя Богу. Пряла пряжу и молилась за брата.

Темнота, тихо кругом,
лает пес, теплится час,
невидимка-ангел крылом
овекает небо и нас...

Лаял пес, за невысокой каменной оградой кудахтали куры. Хорошо взошел горох, а вот капуста в том году не уродилась. По вечерам зажигался масляный светильник и читались жития святых.

На этот раз Венедикт бежал на север.

Недалеко в горах он встретил озеро с ветшавшей императорской виллой на берегу. Озеро возникло по повелению Нерона, пожелавшего соорудить здесь дамбу. Местность называлась Сублаквем – «под озером» (ныне Субьяко). Чуть выше виллы располагался маленький монастырь. Но Венедикт направился не туда, а присмотрел себе небольшой грот пониже монастырских стен, на отвесной скале.

Три года прожил он там никем не замеченный.

Снедь ему спускал сверху на веревке некий монах Роман, с которым Венедикт познакомился по дороге в Сублаквем. Роман, насельник здешнего монастыря, раздобыл для него и монашеское одеяние.

Хлеб Роман уделял Венедикту тайно из своего скудного пайка. О спуске возвещал глиняный колокольчик, привязанный к концу веревки. Услышав звон, Венедикт выходил из пещеры и ловил хлеб.

Однажды враг рода человеческого бросил камень, и колокольчик разбился.

В другой раз в пещерку к Венедикту влетел черный дрозд и принялся кружить вокруг него, отвлекая от молитвы. Венедикт сотворил крестное знамение, и птица вылетела.

«Вдруг, – сообщает святитель Григорий, – он видит женщину, которую злой дух привел пред очи его ума: при виде ее сердце раба Божия воспыало таким огнем, что пламень страсти едва умещался в нем».

Венедикт уже выбежал из пещерки, помышляя вернуться в мир, но тут увидел куст дикой ежевики. Сорвав одежду, он бросился в него и валялся до тех пор, пока не изъязвил все тело. Огонь похоти был залит кипятком боли.

Шло время.

Об отшельнике стало известно, к гроту потянулись местные жители. А монахи из Вари (ныне Виковаро), что в тридцати верстах от Сублаквема, даже пожелали сделать Венедикта своим настоятелем. Святой долго отказывался, видя их недоброту, но в конце концов уступил. Настоятельство Венедикта было недолгим: монахи возроптали на его строгие правила. На трапезе они поднесли ему кувшин с отравленным вином.

Венедикт по своему обычаю перекрестил сосуд, и тот разлетелся на куски.

– Да помилует вас, братия, всемогущий Бог! За что вы хотели сделать со мной это?

Монахи молчали. Вино растекалось среди осколков по полу.

– Не говорил ли я вам прежде, что мои обычаи несходны с вашими? Идите и ищите себе настоятеля по своим обычаям!

Венедикт возвратился обратно в Сублаквем. Грот встретил его привычной тишиной и сумраком.

Долго пробыть в тишине не удалось. Снова стали стекаться люди, желавшие истинной монашеской жизни. Число их вскоре было уже более полутора сотен.

Склоны над озером были отвесными и не располагали к строительству. Вместо одного большого монастыря Венедикт закладывает двенадцать малых.

Вскоре у Венедикта появляется новый недоброжелатель: некто Флоренций, настоятель небольшого прихода неподалеку. Флоренций подкарауливал путников, уговаривая их не ходить к Венедикту и возводя на него разные клеветы. Попробовал даже известить Венедикта, послав ему отравленный хлебец. . . Народ продолжал идти к святому, а хлебец с ядом выхватил из рук Венедикта и унес ворон.

Тогда Флоренций нанял семь нескромных дев. Обнажившись, они ворвались в монастырский сад и стали водить хороводы перед монахами.

Неуместных плясуний изгнали, но Венедикт, устав от вражды, решил покинуть Сублаквем, как прежде покинул Варию. Дав наставления братии монастырей, он с немногими споспешниками снова отправился в путь.

Через полдня его настиг гонец из Сублаквема.

– Возвратись, учитель! – закричал он издали. – Радость, радость! Преследовавший тебя погиб! На Флоренция обрушилась теплица!

Венедикт остановился, но назад не повернул, а заплакал. А на гонца наложил епитимью – за то, что радовался смерти врага.

А что Схоластика?

Она, верно, издали следила за восходившей звездой своего брата. Была ли между ними переписка? Судя по тому, с какой строгостью Венедикт запрещал монахам переписываться с родней, ее не было. Но была еще молва, чьи волны доносили до Нурсии слухи о чудесах, происходивших в Сублаквеме. Слушая эти рассказы, Схоластика тихо кивала. И снова бралась за пряжу. Или за молитвослов. Так день за днем пряла она нити молитвы и нити пряжи.

...В нашем саду
лишь пчела с птицей поют,
лишь цветы, лишь на свету
паучки что-то плетут...

Дом ветшал, родители старели. Зимы становились особенно долгими, дожди – затяжными и холодными. Только псы лаяли так же звонко, как и прежде.

Родители незаметно ушли. Схоластика тихо поплакала над ними; в ясные дни навещала их могилы. Что удерживало ее в Нурсии? Дом в двух местах дал трещину, огородик заглушали дикие травы. Только древо ее молитвы все росло и зеленело, расцветая белыми цветами.

Венедикт шел на юг.

Остановился он у вершины горы Кассинум (ныне Монте-Кассино), в ста двадцати верстах от Рима. На востоке синела горная цепь, на западе лежала плодородная долина, за ней – другие горы, вдалеке виднелось море. На вершине Кассинума находилось капище: крестьяне из окрестных деревень были еще язычниками.

– Здесь мы и остановимся, – сказал Венедикт.

Было это около 529 года от Рождества Христова. Венедикту под пятьдесят. Предыдущие тридцать были годами странствий. Нурсия. Рим. Эффида. Сублаквем. Вариа. Снова Сублаквем... Последующие тридцать лет он проведет безвыездно в Кассинуме. Капище будет снесено, на его фундаменте вырастет монастырь. Монастырь будет неоднократно разрушен – в последний раз англо-американской авиацией во Вторую мировую войну. И каждый раз будет восстанавливаться.

Но главное – здесь, в Кассинуме, Венедикт возведет храмину, которую не разрушат века: свой «Устав».

«Устав» – не просто набор монастырских предписаний. Это образ идеального христианского общества.

...Не любить слишком часто и громко смеяться. Не стараться прослыть святым. Во зле всегда обвинять самого себя, а все доброе приписывать Богу. До захода солнца мириться с теми, с кем разделила тебя распря. Никогда не отчаиваться в милосердии Божиим...

Монастырь строился, «Устав» писался, а Италию сотрясали войны. Вначале честолюбивый Юстиниан пожелал возродить Римскую империю в былом ее величии и под своей властью. Его войска отвоевали полуостров у остготов, взяли Рим и Равенну. Но вскоре готы под водительством Тотилы начали новый натиск и свели завоевания Юстиниана на нет. Армия готов, шедшая на Рим, проходила мимо Кассинума: Тотиле даже вздумалось испытать Венедикта. Сообщив, что желает посетить святого, он отправил к нему вместо себя одного из своих конюших, одетого в королевские одежды, со знаками власти и целой свитой. Однако Венедикт, завидев лже-Тотилу, крикнул: «Сними, сын мой, сними то, что на тебе, – это не твое!» После этого Тотила лично явился в Кассинум и простерся перед святым.

В Кассинуме в жизни Венедикта произошло и еще одно событие. Сюда, поближе к брату, перебралась Схоластика. Монастырь Венедикта был на вершине горы – Схоластика со своими монахинями поселилась у ее подножья.

Они встречались раз в год. Неподалеку была усадьба, он приходил туда со своими учениками; туда же приходила и Схоластика. Целый день проводили они вместе, в беседах и молитвах; вечером прощались и уходили каждый в свой монастырь.

Так повторялось из года в год. Вплоть до того безоблачного дня.

«Целый день, – пишет святитель Григорий, – они провели в хвале Богу и в святых беседах, когда же наступила ночная тьма, вместе совершили трапезу.

Они еще сидели за столом, и между святыми разговорами время тянулось медленнее, когда эта блаженная жена, сестра его, стала упрашивать: „Пожалуйста, не оставляй меня в эту ночь; проговорим до утра о радостях небесной жизни“.

Он же отвечал ей: „Что это ты говоришь, сестра? Я никак не могу оставаться на ночь вне стен монастыря“.

А небо было такое ясное, что не видно было ни одного облака.

Блаженная же жена, услышав отказ брата, положила ладони со сцепленными пальцами на стол и склонила на руки голову для молитвы всемогущему Богу.

Когда же подняла она со стола голову, засверкали молнии, загремели громы и пролился столь изобильный дождь, что ни уважаемый Венедикт, ни братия, бывшие с ним, не могли и шагу сделать с того места.

Тогда муж Божий стал горько жаловаться: „Да пощадит тебя всемогущий Бог, сестра моя; что ты сделала?“

Та отвечала ему: „Се, просила я тебя, но ты не пожелал меня слушать; попросила Господа моего – и Он услышал меня...“»

Дождь лил до утра.

Всю ночь брат и сестра провели в разговорах, насыщая друг друга беседой о жизни вечной. Вспоминали ли они при этом о своем детстве, о старом родительском доме в Нурсии? Бог весть. Монахи и монахини сидели на лавках у стен, кто слушал их тихую речь, кто молился, кто дремал.

До зари звезды дрожат,
вся цена жизни – конец.
Ты послушай: дышит душа,
бьется, бьется в теле птенец.

Венедикт совершил множество чудес в своей жизни. Но тут, как пишет святитель Григорий, он «встретил чудо, совершенное силою всемогущего Бога из сердца жены. И большее чудо могла тогда совершить сия жена, которая давно желала видеть своего брата. Ибо, как сказал Иоанн: „Бог есть любовь“, и еще, как справедливо говорят: кто больше любит – тот больше может».

На следующий день они расстались.

Светило солнце; Схоластика вернулась вниз, в свою келью; Венедикт поднялся вверх.

Еще через два дня, глядя в окно, он увидел белую голубку, поднимающуюся в небо – как раз с того места, где жила Схоластика.

Встав на колени, он начал молиться.

Призвав братьев, он объявил им о кончине Схоластики.

«Потом, – сообщает святитель Григорий, – тотчас послал их, чтобы принесли тело ее в монастырь и положили в гроб, который он для себя приготовил. Таким образом, и тела тех не были разлучены погребением, чьи души всегда были соединены в Боге».

Он пережил ее ненадолго.

Уплывем завтра, сестра,
в ту страну, где благодать!

Незадолго до смерти у него было видение, похожее на то, какое описал Борхес в своем «Алефе».

Венедикт, как пишет святитель Григорий, увидел «весь мир, как бы собранный в единый луч солнца».

Весенние травы в Нурсии.

Узкие улицы Рима, по которым он бродил в плаще студента.

Разбитое сито в Эффиде. Веревка, на которой добрый Роман спускал ему хлеб...

Шумный ливень в Кассинуме и лицо сестры, которая пыталась, но так и не могла скрыть своей торжествующей улыбки...

Андрей

*Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий
и печальный...*

Анна Ахматова

Это имя обязательно возникает в памяти хотя бы раз в год – в первый день Великого поста, «день строгий и печальный».

На вечерне освещение в храмах гасится, клир выходит в черных одеяниях. Молча стоят прихожане; кладутся на холодный пол подкладки для земных поклонов, ставятся редкие свечи. Звучит тихий припев: «Помилуй мя Боже, помилуй мя...»

Откуда начну плакати окаяннаго моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию?..

Так уже почти 1300 лет за великопостным богослужением читается Великий Покаянный Канон святителя Андрея Критского.

Он родился в Дамаске около 660 года от Рождества Христова.

За несколько лет до того город был завоеван арабами. Муавия Первый, основатель династии Омейядов, переносит туда столицу халифата.

Дамаск оставался христианским, и церквей в нем было больше, чем мечетей.

В 675 году там же, в Дамаске, родится другой великий создатель гимнов, святитель Иоанн Дамаскин. Иоанн был арабом, в миру его звали Мансур.

Став столицей халифата, Дамаск становится все более мусульманским. Строятся мечети; в мечеть превращают церковь Иоанна Предтечи. Но серьезных притеснений христиане не терпели.

Над городом высилась гора Касиюн. В одной из ее пещер, Пещере Крови, по преданию, жили два родных брата, Авель и Каин. Абил и Кабил, как называли их арабы.

Возможно, молодой Андрей бывал в этой пещере.

В своем Каноне он сравнивает себя с Каином, совершившим гораздо более страшное преступление, чем убийство Авеля: убийство собственной души.

Каиново прешед убийство, произволением бых убийца совести душевней, оживив плоть и воевав на ню лукавыми моими деяньми.

Авель – наша душа; Каин – наша плоть. Каин-плоть восстает на Авеля-душу, проливая прозрачную, незримую ее кровь.

До семи лет Андрей был немым.

Впитывал в себя звуки и голоса. Колыбельный напев матери, шум базаров, журчанье воды. Впитывал и молчал.

В семь лет его впервые подвели к причастию.

Отрок сложил руки крестообразно и шагнул к чаше. «Причащается раб Божий...» Кто-то из взрослых назвал его имя.

«Была ли и будет ли для рода человеческого какая-нибудь радость более той, как быть причастником Божественного естества?» – напишет святитель Андрей позже.

Причастившись, отрок отверз уста и заговорил.

В родном Дамаске он изучал основы грамматики, риторики и философии.

В пятнадцать лет Андрей перебирается в Иерусалим. Ходит по иерусалимским церквям, вслушивается в разноязычную речь паломников, в жалобный напев нищих. Поступает в Святогробское братство, объединявшее монахов Иерусалимской церкви. Целью было служение паломникам, молитвы и псалмопение в церкви Гроба Господня.

Иерусалим, как и Дамаск, был под властью арабов. Халифы признавали братство и не препятствовали ему.

В Братстве Святого Гроба Андрей пострижен в монашество и посвящен в чтеца. Позже ученого инока назначают нотарием (главным писцом) и экономом братства.

В 680 году Андрею довелось принять участие в Четвертом Вселенском Соборе. Собор сурово обличил монофелитскую ересь – признание во Иисусе Христе одной воли, а не двух – Божественной и подчиненной ей человеческой.

С монофелитами Андрей еще столкнется в будущем.

Осенью 685 года он прибыл в Константинополь.

В тот же год императором становится шестнадцатилетний Юстиниан Второй. Новый монарх полон честолюбивых планов возрождения империи в ее былом блеске. Поначалу ему это удавалось: он одерживает победу над арабами в Армении и отвоевывает у них часть Кипра. И возводит дворцы.

В Константинополе Андрей пробудет двадцать лет. Он служит в храме Святой Софии, Премудрости Божией. Храм этот, построенный за полтора столетия до того Юстинианом Первым, еще стоит в первозданном своем величии. Еще сияют мозаичные своды, которые вскоре будут разрушены иконоборцами. Еще не успели исказить облик храма массивные контрфорсы, возведенные через три столетия после сильного землетрясения. Еще блещет золотом и камнями утварь храма, от которой после нашествия крестоносцев не останется и следа...

Андрей был посвящен во диакона Святой Софии.

В то время в ней служило около ста диаконов. В ведении Андрея находились сиротский приют и богадельня при храме.

Как совместить слово земное и слово небесное?

Поэзию как ремесло и поэзию по внушению свыше?

Андрей задумывается над этим.

«Избранные из богомудрых причастники Святого Духа, – пишет он, – от преизобильной радости о богосладостном утешении, начали попеременно петь вдохновенные погребальные песнопения. Однако песни эти не были составлены ими: их научил произносить и давал слышать Дух Святой.

Все, что говорили и слушали песнословившие, несравненно превосходя наше земное искусство, ничем не отличалось от звуков Ангелов, торжествующих на Небесах. Их высоту, глубину и бесконечную красоту описывать не нам, никогда не вкушавшим такой сладости: скорее, мы должны почтить их молчанием, как превосходящие наше разумение».

И почтив то, что превосходит земное искусство, Андрей создает свои великие богослужебные творения. Канон праздника Рождества Христова, трипеснцы на повечерие Недели Ваий и на первые четыре дня Страстной седмицы, стихиры праздника Сретения Господня...

В 692 году Юстиниан Второй был разбит в Киликии войсками халифа Абд аль-Малика. Юстиниану изменила часть славян, бывших в его войске. «Тогда, – пишет Феофан Исповедник, на которого нам еще придется ссылаться, – Юстиниан истребил всех оставшихся славян с женами и детьми».

Арабы начали опустошать Восточную Римскую империю.

И было великое затмение солнца, так что днем стали видны звезды.

Юстиниан же продолжал строить дворцы. Чем хуже шли дела, тем более пышным делалось строительство.

Призвав как-то патриарха Каллиника, он потребовал от него совершить молебен для разрушения церкви Пресвятой Богородицы, чтобы на месте ее построить себе беседку.

«Патриарх отвечал на то: мы служим молебствия для основания церкви, а на разрушение их молебствий не имеем. Но поелику царь принуждал его и всяческим образом требовал молебствия, то патриарх отвечал ему: Слава Богу, долготерпеливому всегда и ныне и присно и во веки веков, аминь. Выслушав это, разрушили церковь и построили беседку...»

Народ, устав от притеснений и военных неудач, восстал.

В 695 году полководец Леонтий поднял в Константинополе мятеж, захватил Юстиниана, велел отрезать у него нос и язык и отправил в ссылку в Крым.

Через десять лет, в 705 году, безносый Юстиниан с помощью болгарского хана овладел Константинополем и устроил резню.

«Бесчисленное множество и гражданских, и военных чиновников погубил он, – напишет Феофан Исповедник. – Многих потопил в море, бросая в мешках, иных приглашал на обед, и когда вставали от стола, то иных вешал, иных рубил, и великий страх овладел всеми».

Патриарх Каллиник был низложен и сослан; Леонтия в оковах протащили по городу и обезглавили на Собачьем рынке.

А что Андрей?

Он не был в числе пострадавших ни при Юстиниане, ни при Леонтии, ни после возвращения Юстиниана. Слагал священные гимны. Нес службу в соборе, занимался пропитанием нищих и сирот, которых хватало при любом правителе.

При святом патриархе Кире Андрей был хиротонисан во епископа и получил назначение на кафедру в Гортину, что на Крите, с титулом архиепископа Критского.

Епископский сан оставлял на сложение гимнов меньше времени; много было неотложных забот. На Крите архиепископ Андрей строит церкви, устраивает приюты и богадельни. По молитвам его совершаются многочисленные чудеса. Казалось, все идет благополучно.

В 711 году произошел очередной мятеж против Юстиниана. Юстиниан был обезглавлен, к власти пришел император Филиппик.

Филиппик низложил патриарха Кира и объявил об отмене постановлений Шестого, анти-монофелитского, Вселенского собора. Монофелитство стало официальной верой империи. Под давлением императора новый патриарх, Иоанн Шестой, закрепил это в 712 году на поместном Соборе.

По свидетельству Феофана Исповедника, архиепископ Андрей вместе со святителем Германом епископом Кизическим был принужден подписать анафему Шестому Вселенскому собору.

Что заставило архиепископа Андрея подписать еретическое определение?

Стремление сохранить хрупкое единство церкви? Защитить свою критскую паству от преследований? Обычный страх? Еще свежа была память о Максиме Исповеднике, которому его противостояние монофелитству стоило отсеченной десницы и вырезанного языка.

Через год, в 713 году, Филиппик был свержен.

Списки актов Шестого Вселенского собора, осудившего монофелитство, были вновь разосланы, приняты и подписаны всеми бывшими участниками Собора 712 года. В том числе – и архиепископом Критским Андреем.

Православие было восстановлено. Но раскаяние в том, что он поддержал еретиков, не исчезло, продолжало кровоточить.

Помилуй мя Боже, помилуй мя...

Господь, писал святой Августин, и зло обращает во благо.

Раскаяние подвигает архиепископа Андрея на создание Великого Покаянного Канона. Как отроком семи лет, получив дар речи после причастия, он отверз уста, так и ныне ему отвергает их глубокое и всецелое покаяние.

Согрешил больше всех человек, един согрешил Тебе, но смилуйся и будь милосерд ко мне, ибо Ты Благоутробен...

Вся священная история, весь Ветхий и Новый Завет проходят, эпизод за эпизодом, в этом Каноне. Адам и Ева. Каин и Авель...

«События Священной истории, – писал протоиерей Александр Шмеман, – явлены как события моей жизни, дела Божии в прошлом как дела, касающиеся меня и моего спасения, трагедия греха и измены как моя личная трагедия. Моя жизнь показана мне как часть той великой, всеобъемлющей борьбы между Богом и силами тьмы, которые восстают на Него».

Через весь Канон проводится одна мысль, мысль о греховности человека. И вера в милосердие Божие, в Его благоутробие.

В 740 году по пути из Константинополя на Крит архиепископ Андрей заболел. Было ему уже около восьмидесяти.

Болезнь оказалась к смерти. 4 июля на острове Лесбос архиепископ отходит ко Господу. Мощи его были положены в храме мученицы Анастасии – ныне церкви святителя Андрея Критского.

Святитель Андрей рано стал почитаться на Руси.

Он был небесным покровителем святого благоверного князя Андрея Боголюбского и Андрея, сына другого благоверного князя – Александра Невского. В честь Андрея Критского был наречен и Андрей, сын Ивана Калиты. Авторы русских «хожений» в Царьград рассказывали об исцелениях от нетленных мощей святителя, покоившихся в Свято-Андреевском монастыре.

Но главная память о нем сохраняется в его проповедях, канонах и тропарях. И прежде всего – в Великом Покаянном Каноне, который звучит «в день строгий и печальный».

Саввайты

*Была весна, Иудея топула в радостном солнечном блеске.
Иван Бунин. «Весной, в Иудее»*

В ту весну поднялись бедуины.

Бились друг с другом; охотно грабили и убивали и окрестных христиан. Города и поселки близ Иерусалима обезлюдели, лавра Святого Харитона стояла мертвой, сам Иерусалим едва не был взят.

Лавра Саввы Освященного была в восемнадцати верстах от Иерусалима.

Дорога к ней шла по долине Иосафата в сторону Содомского моря, как тогда звалось Мертвое.

Здесь, в Иудейской пустыне, над ущельем, поселился некогда инок Савва. Ущелье проточил поток, уже ко времени Саввы пересоший; место было суровым и для жительства мало-пригодным. Это не мешало стекаться к Савве тем, кто желал тихой жизни и мудрого над собой руководства. Возникла лавра; в одной из пещер была устроена церковь, позже возведена сторожевая башня.

Место, хоть и вдали от Иерусалима, тихим не было; не раз на лавру нападали бедуинские племена, искавшие легкой добычи. Страшным было нападение 614 года. Тогда кочевники, воспользовавшись нашествием персов, разграбили обитель; потом принялись пытать иноков, требуя выдать лаврскую казну. Не добившись ничего, кого обезглавили, кого рассекли на части и, довольные своими подвигами, ускакали.

Было это еще до того, как эти принадлежавшие ромеям земли стали частью обширного царства агарян – арабского халифата.

Теперь все, похоже, повторялось.

Шел десятый год правления халифа Харуна ар-Рашида.

Природа наделила Харуна высоким ростом, светлой кожей и вьющимися волосами. Большую часть своих дней халиф проводил в Багдаде, во дворце аль-Хулд, что значило «Блаженная вечность». Дворцовый сад украшали цветы, высаженные так, чтобы воспроизводить строки известных арабских поэм, а стволы деревьев были оправлены в серебро и украшены камнями.

Тревожили иногда Харуна только мысли о смерти. Когда в 789 году умерла его матушка, властная Хайзуран, Харун шел за ее гробом босиком по осенней грязи, спустился в гробницу и после заупокойных молитв стал читать стихи. «Страдание пробуждает страдание...» – повторял он строки известной элегии Мутаммима ибн Нувайры.

Был Харун, как и его предшественники, довольно веротерпим. Веротерпимость имела свои пределы. 13 апреля 789 года, за три дня до Пасхи, по приказу халифа был казнен инок Христофор. Прежде мусульманин, он принял крещение и поселился в обители Саввы; кто-то донес, Христофора судили и по приказу халифа обезглавили.

В 806 году Харун ар-Рашид повелел разрушить все церкви в городах вдоль византийской границы, а еще через год возобновил старинные ограничения для христиан и других иноверцев. Они должны были подпоясываться веревками, носить особые головные уборы и особую обувь и ездить только на ослах.

Но это было уже в последние годы его правления, когда золотой век халифата мерк на глазах. Одно за другим поднимались восстания; в Йемене, Хорасане, Сирии; от халифата отложились Испания, Марокко, Тунис.

Весной 796 года поднялись бедуины в Иудейской пустыне.

Несколько раз они уже показывались возле стен лавры. Монахи начинали колотить в било, это было знаком тревоги.

Но покуда бедуины довольствовались мелкой поживой и, получив от монахов какой-нибудь снеди, уносились прочь. Один раз они уже сговорились напасть на лавру; но по дороге нашли спрятанные сосуды с вином, напились, запели песни и передрались.

Саввайты начали надеяться, что опасность миновала.

Утром 13 марта, в первый понедельник Великого поста, около восхода солнца снова застучали в било. Дон-дон-дон... Монахи быстро поднимались к башне.

Стали видны всадники, числом более шестидесяти. Петляя по долине Иосафата, они приближались к обители.

Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой.

Так сказано о Страшном суде в Книге пророка Иоила.

Суд этот, по преданию, должен был произойти здесь, в долине Кедрона. Здесь издревле хоронили царей, священников, пророков; в трудные времена и простолюдинов. Здесь сохранились высеченные в скале могилы Авессалома и Захарии. Долину называли также долиной царей, долиной суда и долиной плача.

«...Холмы, перевалы, то каменистые, то песчаные, кое-где поросшие жесткой растительностью, обитаемые только змеями, куропатками, погруженные в вечное молчание. Зимой там, как всюду в Иудее, льют дожди, дуют ледяные ветры; весной, летом, осенью – то же могильное спокойствие, однообразие, но солнечный зной, солнечный сон. В лощинах, где попадаются колодцы, видны следы бедуинских стоянок: пепел костров, камни, сложенные кругами или квадратами, на которых укрепляют шатры...»

Так опишет эти места Иван Бунин в рассказе «Весной, в Иудее».

Бедуины не были врагами христиан. Они кочевали по долине, разводили скот, ставили палатки из верблюжьей шерсти; получали выгоду, служа проводниками паломникам, посещавшим здешние монастыри. В том числе и обитель Саввы.

Но власть халифа слабела на глазах, наступали смутные времена. И бедуины вернулись к тому, чем промышляли испокон веков. Долина плача наполнилась слезами.

Ибо пришел на землю Мою народ сильный и бесчисленный; зубы у него – зубы львиные, и челюсти у него – как у львицы. Опустошил он виноградную лозу Мою, и смоковницу Мою обломал, ободрал ее догола, и бросил; сделались белыми ветви ее.

Так сказано в Книге пророка Иоила.

...И они подъехали к лавре, переговариваясь и посмеиваясь. И зубы у них были зубами львиными, и стрелы их были наготове; и глаза их взирали жадно на виноградную лозу – обитель святого Саввы.

– Зачем вы пришли к нам в таком виде, будто к врагам, нанесшим вам величайшие обиды?

Монахи стояли перед ними; солнце успело взойти и освещало их лица. От всадников и лошадей ложились длинные тени.

– Мы, о мужи, – продолжали монахи, – ни вас, ни других никогда не опечалили. Мы принимали, кормили и давали кров вашим братьям. Мы и ныне готовы поделиться снедью, оставшейся у нас...

Среди всадников раздался хохот. Казалось, даже лошадиные морды смеялись.

– Мы не испытываем голода, – крикнули всадники, – и не имеем нужды в вашей снеди. Нам известно, что вы скрываете золото. Или вы думаете, мы поверим, что оно у вас не припрятано? Чтобы в таком месте, куда люди вашей веры так охотно делают подарки, не было золота? – Снова раздался смех. – Подумайте. Либо вы поделитесь частью его с нами, либо...

Было названо требуемое количество. Четыре тысячи номисм, около восемнадцати килограммов золота.

Монахи недоуменно переглянулись.

– Поверьте, мужи, поверьте, – начали они, – что мы и хлеба не всегда имеем вдоволь, а уж такое количество золота мы и во сне не видели...

Закончить речь монахи не успели.

«Распаленные гневом, – пишет очевидец, Стефан Савваит Младший, – убийцы стали изобильно пускать стрелы, подобно зимним тучам. Из отцов было ранено около восьмидесяти, большинство смертельно. Одни имели вонзившиеся стрелы в груди, другие в затылках, иные в лицо».

Бедуины хлынули в лавру.

Разбивали хлипкие двери келлий и уносили все, что могло иметь хоть какую-то цену. Стали поджигать хворост, который монахи собирали и держали на зиму; лавра наполнилась дымом. Часть бедуинов бросилась в сторону лаврской церкви, ради более богатой добычи; но тут кто-то из них углядел вдалеке отряд другого, враждебного им бедуинского племени. Быстро погрузив добычу на лошадей, крича и обгоняя друг друга, они выехали из лавры.

Всю первую неделю поста савваиты разгребали пепелище, отпевали погибших и врачевали уязвленных стрелами. И ждали нового нападения.

Доходили ли вести о восстании бедуинов до халифа?

Скорее всего, доходили. Но волнения в этой части халифата его не слишком беспокоили. Земли в Иудее бесплодные, это не Египет и не Хорасан, откуда шло больше всего налогов в казну. В самом Иерусалиме Харун так и не побывал; а то, что кочевники шалили и грабили тамошних христиан... У халифа были более важные заботы.

В том самом 796 году он решил перенести столицу из Багдада в Ракку.

Он никогда не любил Багдад; жаловался, что местный воздух ему не подходит. Он устал от багдадских дворцов. Население Багдада вечно росло и вечно было чем-то недовольно. Он устал.

Но главное – ему хотелось построить свою, собственную столицу. Чтобы немного развеять мысли о смерти, посещавшие его все чаще.

Наше время – мгновенье. Шатается дом.
Вся вселенная перевернулась вверх дном.

Трепещи и греховные мысли гони.
На земле наступают последние дни.

Небосвод рассыпается. Рушится твердь.
Распадается жизнь. Воцаряется смерть⁵.

Харун повторял про себя эти стихи Абу-ль-Атахии и украдкой утирал слезы.

---

⁵ Перевод Михаила Курганцева.

Он выбрал сирийскую Ракку, омываемую водами Евфрата. Все управляющие и администраторы продолжали жить в Багдаде. Там же, во дворце Блаженной вечности, аль-Хулд, остались скучать жены и наложницы.

В Ракке он построил Каср ас-Салам, «Дворец мира», превосходивший все багдадские дворцы. Наружная отделка была не слишком богатой, все великолепие скрывалось внутри: гобелены, позолота, росписи. Неподалеку он решил построить ипподром, где будут состязаться лошади из его конюшни.

Вот что занимало мысли и сердце халифа в ту весну 796 года.

Первая неделя поста заканчивалась; поздно в субботу, после всенощной, саввайты приметили двух монахов, быстроходно шедших к лавре. Были они из другой лавры, святого Евфимия. «Нечестивцы всю неделю собирали силы, – сказали пришельцы, тяжело дыша, – и готовятся этой ночью напасть на вас; это мы узнали от некоторых из их соплеменников, соседних с нами. Они уже начали по заходе солнца свое движение».

Снова – дон-дон-дон! – застучало било.

На востоке бледнело; редкой красоты рассвет наступал над долиной Иосафата. Даже занятые приготовлениями к защите монахи то и дело взирали наверх, на чудную игру облаков и лучей.

– Едут! – закричали дозорные братья. – Едут!

Ворвавшись с гиканьем в лавру, нападавшие сразу же приступили к делу. Избивали монахов мечами, дубинами, просто палками. Убивали, впрочем, мало; больше заботились о том, чтобы нагнать страху.

Некоторые из братии пытались скрыться в пещерах, расселинах гор и проломах. Уходивших отлавливали и гнали обратно, в лавру.

– Выкупите себя и вашу церковь за четыре тысячи номисм, или мы немедленно прикажем вас обезглавить и сожжем ваш храм!

– Пощадите нас ради Бога, – отвечали монахи, – и не проливайте несправедливо нашей крови; а таким количеством золота мы не владеем и никогда не владели!

Монахов сгоняли в пещерную церковь.

– Укажите на ваших казначеев, иначе мы всех лишим жизни!

Монахи отвечали, что таковых среди них нет.

К отверстию пещеры стали быстро таскать тростник. Монахи в пещере слышали деловитые крики бедуинов и звук сваливаемой травы. Монахи молились. Крики снаружи смолкли, один из бедуинов поднес факел, трава вспыхнула.

«А так как тростник был сырой, – пишет Стефан Савваит Младший, – то он производил сильный дым, который, клубясь в этой теснине и совсем не находя отдушины и выхода, невыносимо мучил и удушал отцов. Мучители, оставив их достаточное время задыхаться, закричали: „Выйдите, монахи, выйдите!“ Выходящим пришлось проходить сквозь пламя; но всё казалось выносимее дыма и происходившего от него удушения. При выходе у многих были обожжены подошвы и волосы, бороды, брови и ресницы. Вышедшие бросались на землю, стремясь набрать воздуха».

Их тут же хватили и снова требовали выдать казначеев. Монахи, задыхаясь, говорили:

– Если хотите убить нас, сделайте это скорее... Но ничего другого от нас не услышите.

«Тогда, вторично загнав их в пещеру, они еще сильнее стали окуривать ее дымом. И, оставив на долгое время, снова закричали святым выйти. Они же, пробравшись сквозь пламя, полумертвые выходили на воздух, впитывая его и делая глубокие вздохи, старались отдышаться. Ибо почти все они были

при последнем издыхании; а находившиеся внутри, не вынеся силы дыма, предали свои святые души в руки Владыки Христа».

Вышедших стали снова колотить и трясти, требуя назвать казначеев и места, где спрятано золото... Те только раскрывали рты, тарасили глаза и хрипели.

Навьючив на лаврских верблюдов награбленное в церкви, игуменском доме и келлиях и ругая монахов за жадность, бедуины стали уходить.

Иоанн. Исполнял в лавре послушание игумениарха, заботясь о приезжих в игуменском доме. Нападавшие подрезали ему жилы на ногах, потом стащили его по камням вниз к церкви. Скончался от ран и дыма.

Сергий, родом из Дамаска. Когда монахов сгоняли в церковь, отказался туда идти: «Не для молитвы вы повелеваете нам сегодня войти туда!» Был усечен мечом.

Патрикий, родом из Адрианополя. Прятался в пещере вместе с несколькими монахами; когда их убежище было открыто, вышел из нее и свидетельствовал, что прятался там один, не выдав остальных. Будучи отведенным в церковь, погиб от дыма.

Протодиакон Анастасий.

Авва Косма.

И еще шестнадцать монахов, погибших в то воскресное утро.

Весть об избиении савваитов разнеслась далеко за пределы Иудейской пустыни.

В Константинополе начали готовиться к новому походу против арабов; в марте следующего, 797 года войска были собраны. Но император Константин, едва выступив с войском из Константинополя, вернулся обратно. Другая, гораздо более сложная война шла в то время – между Константином и его матерью Ириной. Константин боялся надолго оставлять столицу.

Эхо савваитского погрома докатится и до западных земель, до далекого Аахена, столицы короля франков Карла. В конце 797 года Карл отправит в Ракку посольство. Посланцам было велено просить халифа, чтобы тот положил конец подобным злодеяниям; посольство также везло пожертвования для иерусалимских христиан. Халиф посланцев принял и выслушал, а Карлу в подарок отправил слона.

Лавра Саввы Освященного залечивала раны. Бедуины оставили ее в покое: может, Харун ар-Рашид все же что-то предпринял. Но главной причиной было поветрие, вспыхнувшее среди бедуинов, и они не успевали хоронить и сбрасывали своих мертвецов в ущелья. И снова долина наполнилась плачем – голосили бедуинские женщины, царапая себе лицо и оплакивая своих мужей, курчавых детей, братьев и прочую родню.

Харун ар-Рашид проведет в Ракке последние тринадцать сумеречных лет своего царствования. Халифат продолжал распадаться, приток в казну иссякал; халиф уничтожал своих визирей; требовал, чтобы его врагов казнили перед ним, и наблюдал их мучения.

Он умрет от болей в желудке 24 марта 809 года во время похода на мятежный Хорасан.

Харун сам выбрал себе погребальный саван и приказал вырыть для себя могилу. Заглянул в нее, огладил ладонью землю. Поглядел на безмолвную свиту, стоявшую сзади.

Где цари и те, кто жил до тебя?

Они ушли путем, по которому уйдешь и ты.

Ты так радовался этому миру,

Твои уши были готовы беспрестанно внимать лести.

Возьми то, что дарует тебе этот мир.

А смерть – конец всего.

Это были стихи Абу-ль-Атахии, его любимого поэта.

– Не правда ли, – голос халифа дрогнул, – это написано про меня?

Могила Харуна исчезнет.

Да и от багдадских дворцов, и от Дворца мира скоро останутся лишь развалины.

Я соберу все народы, и приведу их в долину Иосафата, и там произведу над ними суд за народ Мой.

И народы медленно поднимаются из земли.

Раскрываются с хрустом гробницы, отваливаются камни из пещерных гробов и катятся вниз.

Море выплевывает мертвецов, начинает шевелиться земля городских кладбищ.

Толпы, толпы в долине суда! ибо близок день Господень к долине суда!

Народы движутся в долину Иосафата, долину плача, долину царей, озаряемые вспышками ночного неба. Они заполняют ее и замирают, ожидая суда. Восток уже посветлел, наливаясь золотом и кровью. Вот-вот придет Судия, и наступит утро.

Феодор, Феоктиста

Он заболел. Боли в желудке возрастали, его мутило, он глядел на еду, с усилием заставляя себя есть хоть немного.

Четыре дня он провел на лежанке, не переставая, впрочем, диктовать письма и принимать отчеты.

Когда становилось тяжелее, замолкал и, шевеля губами, произносил беззвучную молитву. Иногда слышался ему легкий женский голос, читавший где-то поблизости Псалтырь, «Блаженны непорочные...». Это был голос матери, других женщин здесь, в обители, быть не могло. Впрочем, и матери здесь тоже быть не могло.

Он мотал головой, и мухи, собравшиеся на принесенную ему еду, с жужжанием поднимались в воздух. Некоторые садились на него, ползли по рукам, и он сердито отмахивался: «Прочь, прочь, иконоборцы проклятые!»

Болезнь ослабила его, но ум был чист и крепок.

Он вспоминал стихотворение, которое написал когда-то, еще в первую пору своего игуменства. Он сочинил тогда множество стихотворных посвящений братьям, несшим разные послушания: будильщикам, портным, поварам. И больным, да, и больным тоже.

Эту болезнь прими как благодатный дар;
вот и тебя Божья коснулась забота.
Как отроки те в печи, угашай огонь
росою благодарности терпеливой.
Иовом стань, вспомяни, что он говорил,
не осквернив себя ни единым словом.
Мимо тебя кто прошел, не взглянув, – молчи;
все, что тебе дают, принимай послушно,
чтобы страданье на пользу сердцу пошло.

«Эту болезнь прими как благодатный дар...» Он принимает. И пламень пещной не так жжет. И снова слышит тихий голос, читающий Псалтырь, голос матери.

Ее звали Феоктиста. А отца – Фотин.

Оба были из знатных семей. Фотин служил при дворе казначеем. Феоктиста, как и положено жене, пребывала дома.

Он, сын Фотина и Феоктисты, родился в стольном граде Константинополе в 759 году от Рождества Христова.

Когда младенца показали матери, она перекрестила его. Повитуха хотела надеть на дитя амулет от сглаза, но Феоктиста отвела руку с амулетом. И снова перекрестила сына.

Младенцу дали имя Феодор – «Божий дар».

В смутное время появился на свет Феодор.

Над всей империей стелился густой дым иконоборчества. Горели иконы.

За пять лет до рождения Феодора, в 754 году, Константин Пятый собрал иконоборческий собор.

28 августа решения собора были зачитаны на константинопольском ипподроме.

– Всякая икона, – выкрикивал глашатай, – сделанная из какого угодно вещества, а также писанная красками при помощи нечестивого искусства живописцев, да будет извергаема из церкви!

Слова тонули в реве и рукоплесканиях. Иконоборцы, заполнившие трибуны, выражали свое ликование.

Над империей стелется дым. Лики Спасителя, Богородицы, святых объаты языками пламени.

У Феодора было двое братьев, Иосиф и Евфимий, и сестра, чье имя не сохранилось.

Отец весь день отсутствовал, трудясь на казначейской службе; детей растила Феоктиста.

Сама Феоктиста осиротела рано, родителей унесла чума; ее с сестрой и четырьмя братьями взяла под опеку родня. Старший, Платон, начал службу при дворе, но затем принял монашество и удалился в монастырь в Символех, в Вифинии, где трудился над переписыванием книг. Двое братьев последовали за ним.

Грамотой и начатками наук Феоктиста овладевала уже в замужестве. А перед сном и после сна учила наизусть Псалтырь.

– Блаженны непорочные в пути... – читала при мерцании светильника, не выпуская из рук пряжи или шитья.

Усилилось преследование иконопочитателей; особенно монахов, ученнейшей части империи.

«Некоторым поджигали бороды, у других выдергивали волосы, иным разбивали головы священными досками, с которых выскабливались изображения святых».

21 августа 766 года монахов-иконопочитателей согнали на ипподром и провели строем по полю. Каждого заставили взять за руку блудницу.

Монахи шли, уперев глаза в слепящий песок; палило солнце, улюлюкали трибуны.

Феодору исполнилось семь лет; он уже знает буквы и умеет читать по слогам.

Была Феоктиста по натуре вспыльчива, но великодушна. К слугам относилась как к членам семьи, кормила их тем же, чем питалась сама. Могла устроить взбучку, особо провинившимся даже пощечин надавать.

«Но после нанесенных ею ударов, – вспоминал Феодор, – она, бывало, входила к себе в опочивальню и начинала бить саму себя по щекам. Потом призывала к себе наказанную, вставала пред ней на колени и просила прощения».

Так проходили ее дни. Муж, дети, прислуга. Ночь, утро, Псалтырь, дела домашние, вечер, Псалтырь, ночь. Ветер с Босфора, колеблющий пламя светильника.

Маленький Феодор прислушивается к разговорам взрослых; он серьезен и задумчив не по годам.

Полушепотом передают слова, сказанные игуменом Стефаном. Когда игумена привели для допроса во дворец, Стефан показал императору монету с его изображением:

– Что будет тому, кто дерзнет попирать ее ногами?

Константин ответил, что таковой по закону подлежит казни.

– Если за бесчестие царского образа человек подлежит казни, то чему же повинен тот, кто бесчестит изображения Сына Божия, Его Пречистой Матери и святых?

И, швырнув монету на пол, стал топтать ее.

В 767 году Стефана проволокли по улицам и бросили в яму, где погребали преступников.

На следующий день на город обрушилась буря.

Прижавшись к матери, Феодор слушал, как колотятся ставни и с крыши срывает черепицу. Ему восемь лет, он уже многое понимает.

Феодор прошел начальный курс наук.

Феодор прошел курс «внешних наук». Грамматику, включавшую чтение античных поэм, риторику, а также философию, которую изучил особенно глубоко.

Много позже он составит знаменитые стихи из Триоди Постной, которые поются в четверг третьей недели Великого поста. «Петр витийствует, и Платон умолче; учит Павел, Пифагор постыдися».

В отличие от многих и многих, кто будет повторять эти строки, Феодор знал о Пифагоре и Платоне не понаслышке.

«Когда он обратился к философам, – сообщает биограф, – то со всем усердием прошел всю философию, как этику и метафизику, так и отделы, обнимающие диалектику и приемы доказательств».

В скором времени другой Платон и другая философия займет ум молодого Феодора.

В Константинополь прибывает Платон, брат Феоктисты и дядя Феодора; он успел уже прославиться своей ученостью и подвижнической жизнью и стать игуменом монастыря в Символах.

Остановившись в доме сестры, он ведет с ней долгие разговоры о подлинной философии – монашеской жизни.

Беседует Платон и с Феодором; Феодору уже двадцать один год. Возраст, когда пора поступать на государственную службу и подумывать о браке. Феодор высок ростом, образован и считается завидным женихом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.